

ИННА ШЕРЕМЕТЕВА

ГРОМОВ

МАСКА ПОТРОШИТЕЛЯ

ТОМ 1

18+

Инна Шереметева

Громов. Маска потрошителя

«Автор»

2026

Шереметева И.

Громов. Маска потрошителя / И. Шереметева — «Автор», 2026

1860-е годы. Спустя десять лет после смерти первой жены, Громов привозит в своё поместье ослепительную Саломею Дадияни, дочь знатного грузинского тавади. Но блестящий союз оборачивается чередой катастроф. Когда Москва содрогается от кровавых бесчинств неуловимой «Маски», личная трагедия Громовых сплетается в один узел с криминальной хроникой империи. Похищение рокового конверта с уликами, вероломный побег к русско-персидской границе и вмешательство легендарного сыщика Путилина запускают цепную реакцию, которая неизбежно ведёт героев к роковой черте. «Громов. Маска потрошителя» — это глубокое погружение в тайны человеческого сознания, где каждому герою предстоит заглянуть в собственную бездну и лицом к лицу столкнуться с монстром, скрывающимся у всех на виду.

© Шереметева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора.	5
Часть I: Ошибка сердца	6
Савелий	7
Зотов	15
Вера	24
Андрей	33
Соколова	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Инна Шереметева

Громов. Маска потрошителя

От автора.

Дорогой читатель!

Перед вами история, которую я бережно складывала из архивных очерков, подсмотренных судеб, чужих откровений и собственных наблюдений за тем, как в человеке прорастает тьма.

Прежде всего **«Громов. Маска потрошителя»** — это мой манифест. Книга родилась из желания соединить традиции классического русского психологического романа XIX века с саспенсом современного триллера, создав для Вас по-настоящему плотный, фактурный нуар.

Книга сознательно уходит от штампов беллетристики, здесь нет плоских персонажей. Это не быстрое читиво, а плотное, атмосферное погружение.

География и масштаб: действие разворачивается в Париже, Петербурге, Москве, в Самарской губернии и на диких границах с Персией, охватывая все слои общества — от аристократии и купечества до гризеток лупанария. Это **эпоха Александра II** — время тектонических сдвигов, судебных реформ, зарождения крупного капитала в России и появления первых громких криминальных дел, потрясших империю.

В **Томе I** события разворачиваются плавно и размеренно, закладывая прочный фундамент для грядущей драмы. Нам предстоит заглянуть за фасад благополучия, глубже прочувствовать атмосферу, привязаться к героям и столкнуться со сложнейшими моральными дилеммами, когда правильного выбора не существует, а цена ошибки оказывается непомерно высока.

Скрытый пласт романа — это беспрецедентное исследование генезиса безумия, о котором вы прочтёте в **Томе II**. Он будет динамичным. Я покажу зарождение и развитие серийного убийцы. Вы увидите не просто готового монстра, а детальную трансформацию личности: от истоков его детства до хладнокровного потрошителя. Исторический контекст 1865 года позволил сделать это исследование чистым, свободным от современных реалий, и показать, что природа человеческого порока неизменна во все времена.

Первый том я дарю вам.

Если эта история откликнется в вашем сердце, буду искренне признательна за отзыв — для автора это самая ценная награда.

Ваша Инна Шереметева.

Часть I: Ошибка сердца

Савелий

Тёплым августовским вечером старик Пётр тихо скончался в своём имении в селе Жиялево. Он ушел легко, оставив единственному сыну многомиллионное наследство.

В тридцать девять лет Савелий Громов в одночасье стал хозяином огромной промышленной империи: пароходы, полтора десятка барж, известняковые штольни¹, мыловаренный завод и сто тысяч десятин жирной самарской земли.

* * *

Савелий задумчиво брёл по своим владениям, вдыхая густой аромат нагретых солнцем трав. Тропа, утопающая в зарослях дикого шиповника, вела к обрыву над рекой. За небольшим холмом, густо поросшим акацией, в свете полуденного солнца блеснула широкой лентой Волга.

Мысли Громова унеслись далеко отсюда. Он думал об отце. В каких горних мирах нашла упокоение его душа?

Больше полувека назад Пётр сколотил на Волге сказочное состояние, сделав сына одним из самых богатых людей края. Старик был воплощением силы, духовной мощи. Воодушевлённый работой, он ни минуты не проводил впустую, и наследника научал тому же, заражая страстью ко всякому делу.

Громовы всегда были близки друг другу, но благоговение, которое Савелий испытывал к отцу, мешало ему сблизиться с ним ещё сильнее. Сейчас ему казалось, что он единственный, кто по-настоящему любил покойного. Он жалел, что не всегда находил для него время, особенно в последние месяцы, когда тот уже не вставал с постели. А ведь старик всю жизнь старался для него. Савелий вспоминал, что в детстве отец был с ним как-то по-особому, грубо ласков, точно боялся изнежить, и сейчас он чувствовал себя обманутым, уязвлённым его смертью, порой подкатывала такая тоска, что схватывало сердце и становилось тяжело дышать.

Задолго до кончины Пётр нарочно отошёл от дел, передав сыну бразды правления. Ему хотелось увидеть преемника в деле. И Савелий оправдал надежды, став полновластным хозяином семейной империи.

Деньги не наложили отпечаток на его характер. Громов обладал неукротимой тягой к работе: трудился в штольнях наравне со всеми, добывал камни, обжигал известь, разрабатывал штреки². Удачно покупал земли, что-то строил, принимал подряды на хлеб, развозя его по верховьям Волги на своих баржах. И всё в его руках спорилось, принося небывалый доход, что неизменно радовало родителя шелестом «радужных» и звоном монет.

За суровой внешностью Савелия скрывались цепкий ум и упорство. Обладая колоссальной волей, он шёл к намеченному напролом, однако правил честной игры не нарушал. Он столь мудро и быстро принимал решения, что злопыхателям и завистникам оставалось только разводить руками, удивляясь ловкости, с которой тот раскидывал денежные сети. Посвятив много времени погоне за большим рублем, Савелий обнаруживал равнодушие к нажитому капиталу, тем не менее, зная подлинный вес каждой копейке.

Савелий засмотрелся на водную гладь. Волга в этом месте была особенно широка. Стоя у края обрыва, ему страстно захотелось что-нибудь крикнуть, а после слушать, как над водой пронесётся зычное эхо. Он вздохнул и обернулся к дому. Тоска души, измученной в последние месяцы болезнью отца, влилась в тишину и свежесть летнего дня.

¹ **Штольня** — горизонтальная или наклонная подземная выработка, имеющая прямой выход на поверхность. Пробивается в склонах гор для разведки и добычи полезных ископаемых (в Жигулях использовалась для извлечения бутового камня и известняка).

² **Штрек** — горизонтальная подземная горная выработка, прокладываемая вдоль направления пласта полезного ископаемого и не имеющая прямого выхода на поверхность (используется для добычи камня и вентиляции штолен).

Вдруг над рекой разнесся гулкий свист парохода, словно вскрикнуло раненое животное, и его отзвук глухо отозвался в пустом, бездонном небе. На этом берегу всегда шумно: снуют пароходы, баржи, выстроившись в цепочку, взрывают реку против течения, тёмный дым тяжёлыми кольцами лезет из пароводных труб и медленно растворяется в чистом воздухе.

Внезапно порывистый ветер пролетел над Волгой, покрывая её бурыми волнами. Вода с шумным плеском забила о берег, вынося на песок мутную белую пену. Кусты прибрежного шиповника, дрожащие под наскоками ветра, склонились к земле. Савелий, бросив последний взгляд на потемневшую реку, зашагал к дому. В воздухе запахло дождём. Кажется, будет гроза.

* * *

На высоком берегу Волги раскинулось Жилиево — исконная вотчина Громовых. Долина самого большого на Самарской Луке ущелья вобрала в себя всё богатство края: прозрачные родники с чистой водой, горы, тенистые рощицы и сосновые леса.

Савелий любил богатую волжскую землю. Он трепетал как ребёнок при виде вековых гор и далёкого противоположного берега, окутанного синеватой дымкой, где блестели купола Самарских церквей. Там, в лугах, было спокойно и тихо.

В свои тридцать девять лет Громов был под стать этой земле — крепкий, основательный и суровый. Смуглое лицо, ясные зеленые глаза, смело смотрящие из-под широких бровей, и густые волосы цвета горного меда, переходящие в окладистую пшеничную бороду. Вся его жизнь прошла на этих берегах, и Жилиевская долина значила для него больше, чем что-либо другое. Савелий хотел, чтобы его, так же, как и отца, похоронили здесь. Здесь его родина, единственное место на свете, где он мог бы жить.

По обе стороны села в небо вздымались Попова гора и Боголюбская, некогда принадлежавшая мужскому монастырю. Их склоны изрезаны глубокими овражками и лощинами, а кое-где поросли густым лесом.

Его отец когда-то заложил первый карьер на Поповой горе и выстроил рядом известковый завод.

Двести человек трудилось на каменоломнях Громова. Небольшими артелями рабочие вгрызались в склоны и, вскрыв поверхностные слои, добывали камень.

К работе Савелий относился безжалостно, не давая покоя ни себе, ни людям. Его страстная натура мятежно вскипала, и он всецело поглощался её велению, работая дни и ночи, пока не падал от изнеможения, как подкошенный. Он вливался в рёв рабочих, перемежающийся лязгом молотков, и кричал диким голосом:

— А ну, взяа-а-ались, ра-зом! Ещё надсаживай, дружнее!..

Опустив голову, согнувшись, не чувствуя усталости, он как буйвол шёл навстречу тяжёлой работе, сопротивлявшейся ему, но всё-таки уступавшей. Его высокая, широкоплечая фигура выгодно выделялась среди горняков. Только на каменоломнях Савелий испытывал странное пьянящее чувство и упивался им, изливая радость в громких победоносных криках.

Бутовый камень отправлялся на баржах на стекольный завод Шишкова в Казань, а также вверх по реке — для дальнейшей перевалки в Москву. Особого качества плиты шли по Каспию на Кавказ, украшая интерьеры строящегося Тифлиса. Из громовского известняка выделяли памятники, плитки голландских печей, мостили дороги. В скором времени жилиевские известняки узнали не только в России, но и за её пределами. В прошлом году Савелий возвратился из Милана, исполненный горделивой радости, и вручил довольному отцу медаль с промышленной выставки за качество жигулёвского камня.

* * *

Тем временем Аркадий Зотов заложил карьер на Боголюбской горе. Его выработки давали самый чистый известняк, свободный от примесей. С пристани одна за другой уходили зотовские баржи, груженные отборным камнем.

Громов не был другом Зотова, но они, тем не менее, уважали друг друга, не нарушая границ официального соседства.

Зотов приложил немало усилий, чтобы каменоломня приносила огромный доход, ведь тягаться с таким конкурентом, как Громов, было нелегко. Аркадий приехал в эти края, когда ему едва исполнилось девятнадцать, и сразу сколотил вокруг себя команду рабочих. С умом взявшись за дело, выказав недюжинную смекалку, он за три года добился невероятных успехов, встав почти вровень с Громовым. Он поселился недалеко от Жилиева, в Торжке, и каждый день ходил на каменоломню, меряя огромными шагами по пять вёрст в одну сторону. Приглядевшись к местным девушкам, он выбрал в жёны румяную, здоровую Ульянку, и она родила ему дочку и сына.

Поговаривали, что у Зотова тяжёлый характер, порой он бывал слишком груб с рабочими, и они уходили от него. Но, тем не менее, он славился исключительной порядочностью и честностью, вызывавшей искреннее восхищение в среде промышленников.

Савва и Аркадий несколько раз сталкивались в ресторане при Бирже, и Громов, как опытный делец, пытался указывать молодому горняку на ошибки, которые тот допускал по горячности. Однако Аркадий резко обрывал всякие попытки наставничества, сурово давая понять, что в советах не нуждается.

— Громов, не лезь ты, Христа ради, не в своё дело. Я не знаю, как у нас с тобой дальше заладится, но попомни моё слово: через пару лет мы поменяемся местами. Я стану здесь главным дельцом. А пока — гоняй свои баржи хоть до Ярославля.

Савелию казались смешными дерзкие речи юнца; он лишь усмехался в бороду. Зотов задался целью обойти его, вырваться вперед любой ценой? Что ж, пусть попробует.

При случайных встречах Аркадий по-прежнему кланялся Громову с подчёркнутым почтением, однако, никогда не влезал в чужие дела и не позволял вмешиваться в свои.

Беда нагрянула прошлой весной. В одной из штолен Зотова произошёл обвал. Огромный пласт известняка обрушился в одно мгновение на головы рабочим, похоронив под собой несколько штреков. Восемь человек погибли на месте. Слава об «опасных каменоломнях» разлетелась мгновенно, люди стали уходить, боясь за свои жизни. Зотов пережил тяжёлые времена и чуть не разорился. Но когда Громов поехал к соседу с предложением выкупить штольни, Аркадий едва не спустил его с крыльца.

* * *

Савелий наблюдал через распахнутое настежь окно, как по небу ползли мохнатые серые тучи. Приближалась гроза. Он вдруг почувствовал, как смертельно устал, и попытался вспомнить, когда отдыхал в последний раз.

— Савелий! Саввушка-а!.. — Смешная старуха с длинным носом и маленькими тёмными глазками, нараспев повторявшая его имя, сходила со второго этажа, осторожно ступая стариковскими ногами по деревянной лестнице.

— Закрой окна, не слышишь, что ли? Чай гроза надвигается.

Громов улыбнулся. Тётка Аграфена совсем не изменилась с тех пор, как он помнил себя мальчишкой, разве что поседела.

Ему едва исполнилось пять лет, когда умерла мать. Тогда Пётр упросил Аграфену приехать к ним, ухаживать за племянником. Сутулая, высокого роста тётка поначалу не понравилась мальчику, но заглянув в добрые, лучистые глаза, он доверился ей. С годами детская привязанность переросла в крепкую сыновнюю любовь.

Савелий опустил в кресло и прикрыл веки. Наверху, в отцовской комнате хлопнуло окно. Надо бы подняться, закрыть... Как пусто и одиноко стало без него. Пётр своим громоподобным голосом трубил на весь дом, и его было слышно в каждом уголке.

Дом Громовых, выстроенный из собственного камня, был обставлен с грубой роскошью. Потолки расписаны райскими птицами, купидонами и узорами, напоминающими финифть. В

гостиной у окна кучковались пузатые бледно-лиловые диванчики. На подоконниках громоздились бутылки разного калибра — с настойками, сбитнем, мёдом. Из-за них окна открывались с трудом, и в гостиной стоял душливый запах. Пётр, сидя в кресле, частенько курил здесь мяту и «смолку», освежая атмосферу.

На втором этаже обстановка куда скромнее. В каждой комнате с потолка свисали пучки целебных трав, привезённых тёткой из монастырей. Аграфена усердно кропила их святой водой, прежде чем развесить — терпкий дух отгонял насекомых и освежал воздух.

Вокруг дома расположились гостевой флигель и службы – тёплая конюшня, кладовые и сарай с инструментами.

Пётр держал два выезда: крепких рабочих лошадок — для дальних поездок в губернии, и статных, чистопородных жеребцов, чтобы щеголять на ярмарки и в театр.

Ну а кладовые были царством Аграфены. Она заготавливала в немыслимых количествах домашние запасы, спроворенные по старинным рецептам: мариновала грибы, мочила яблоки, варила варенье, не отходя от печей по несколько суток. А рубка капусты, по мнению Савелия, вообще походила у неё на языческое празднество.

* * *

Десять лет назад, в тысяча восемьсот пятьдесят четвёртом, Аграфена надумала женить племянника и просватала ему девушку из Самары.

Стройная, тонкая, с тёмными глазами и угольно-чёрной косой Акулина была достойной парой Савелию. Старшая дочь купца первой гильдии выросла в роскошном особняке в центре Самары. Савелий часто привозил её в Жилево, и они запирались в комнате на втором этаже. Акулина садилась у окна с шитьём, а Савелий горделиво поглядывал на невесту и раз за разом спрашивал, хочет ли она стать его женой. Акулина не отвечала ни «да», ни «нет», заставляя Савелия задумчиво к ней присматриваться.

Девушка казалась ему загадочной, он таких не встречал. Она могла часами просиживать у окна, беззвучно считая петельки, и взгляд её был так сосредоточен, будто она смотрела внутрь себя. Она редко заговаривала первой, вежливо отвечала, когда её спрашивали, но делала это с таким видом, что собеседнику становилось неловко.

Савелий не заметил, как по-настоящему влюбился. Ему нравилось всё в ней: бледные руки с овальными ногтями, походка, задумчивый взгляд, блеск чёрных волос, собранных в скромный узел, но он никак не мог взять в толк, почему молодая, здоровая девушка живёт, будто в дрёме – на гулянья не просится, подарков не принимает, словно дичится его.

Довольно скоро зоркий глаз Аграфены подметил, что Акулина в положении. Тётка набросилась на племянника с упрёками и приказала поторопиться со свадьбой.

Спустя три месяца после свадьбы Акулина захворала и, промучившись в лихорадке неделю, приказала долго жить, оставив безутешного вдовца оплакивать свою судьбу. Ещё долго во снах он видел жёлтое, восковое лицо жены с тёмными пятнами вокруг глаз и спутанными волосами, разметавшимися по простыням.

После смерти Акулины Савелий часто ездил в Самару, топить горе в вине. Бывало, он исчезал на неделю, а то и две. А нагулявшись, возвращался в Жилево, пропитанный винными парами и табаком, подавленный и смирный; молча сносил упрёки Аграфены и поднимался к себе, на второй этаж. И из-за двери долго ещё раздавались его тяжёлые, глухие вздохи.

Но время сгладило душевные раны. Жизнь вошла в прежнюю колею, и, проснувшись однажды утром он понял, что больше не тоскует по жене и неродившемуся ребёнку.

Аграфена, словно почуяв, стала наседать с разговорами о женитьбе, и Савва начал подумывать, что он с удовольствием окружил бы заботой и любовью какую-нибудь прехорошенькую девушку, чьё тело согревало бы его по ночам.

Он снова начал выезжать в Самару. Все почитали за честь принять Громова, о его богатстве слагали легенды, перед ним раскрывали двери лучшие дома города.

Савва приглядывался к девицам, но быстро понял, что обманывает сам себя. Ни одна из них не трогала его сердца так, как прежде Акулина. Он ревниво сравнивал её с самарчанками и находил, что все они бледнели перед её призрачным образом. Никто не смеялся так нежно, как Акулина, ни одна из них не казалась Савелию такой же загадочной и спокойной.

Надежда обрести счастье таяла с каждым днём, а Аграфена, не понимая, что происходит в душе племянника, частенько зудела над ухом, как назойливое насекомое: «Не приглядел невесту-то?» Тогда он смотрел на неё с немым упрёком, а после надолго запирался у себя. Тётке было невдомёк, что её слова оставляли в душе Громова горький осадок.

* * *

Аграфена безупречно блюла дом. С неусыпной бдительностью старуха следила даже за нежилыми комнатами: перестилала нетронутые постели, перебирала в шкафах вещи и подметала полы. Она никогда не сидела без работы и никогда не жаловалась, даже если Савва приглашал к себе по десять мужиков со штолен, чтобы обсудить разработку новых штреков или просто выпить тётушкиной наливочки.

Бывало, что жилиевские ухари во главе с Громовым напивались и гуляли по несколько дней кряду. Аграфена молчком заметала сигарный пепел, перетряхивала коврики и выскабливала пол дочиста, ни жестом, ни взглядом не давая понять племяннику, что тот переступил черту.

А Савелий — грязный, всклокоченный, с отёкшим лицом — уезжал «догуливать» в Самару и носился, никем не uznанный, по третьесортным кабакам. Никто бы не признал в чудаковатом бородаче, пляшущем под фисгармонию, первого богача Поволжья. Сложно было вообразить, что этот высокий статный красавец, плачущий под бурлацкие песни, а в следующее мгновение бьющий чью-то физиономию — и есть тот самый Громов. Между тем по нему тайком вздыхали и дочь губернатора, и молодая жена тайного советника Брюхова, и все состоятельные самарские девицы от семнадцати до сорока лет.

Савелий кутил, дрался, надрывал душу разговорами с местными пьяницами, но ни в чём не мог обрести душевного равновесия и, пристыженный сам от себя, с понурой головой возвращался в Жилиево. Тётка встречала его графином кваса и ржаным хлебом. Савелий выпивал пол-литра зараз, закусывал горбушкой, обмакнутой в соль, и опускался на колени перед образами, простаивая по несколько часов, не смея поднять головы. Его огромная фигура, точно выкованная из цельного куска железа, склонялась под настырным взглядом Аграфены, и мутные глаза племянника горели от стыда.

* * *

С самого утра Аграфена брюзжала, что в доме нужна ещё одна женщина, хозяйка, которая подарит Савелию много детишек. Громов только хмыкал в ответ и устало отводил глаза, чувствуя себя обезоруженным перед её словами.

— Сав-ва, — пела тётка, — ну подумай, кому ты всё это оставишь?

— Тебе, — мычал племянник.

— Тыфу на тебя, окаянный, — крестилась тётка и дёргала сухими губами, — сдурел ты что ли? Мне! Я раньше тебя преставлюсь! Чем глупости молоть, посватался бы к дочери этого... Господи... как его?.. — тётка воздела глаза к иконам, вспоминая фамилию, — Маврокордато!.. Царица небесная, еле выговорила!.. Ишь ты, — удивлялась Аграфена, — имя бесовское, а люди как будто приличные.

Савелий, не дожидаясь продолжения, схватил картуз и вышел на крыльцо. Он знал, что сейчас тётка заведёт излюбленный разговор.

— Куды? Обожди!

Савелий опустил на скамью под дерево и вдохнул густой аромат яблок. Двадцать лет назад они с отцом посадили здесь первый саженец. Каждую весну яблони наряжались в белоснежное кружево, а на исходе лета травяной ковёр усыпали антоновка, анис, китайка. Сидр,

который изготавливает Аграфена, славится на всю округу, и Савелий не раз подумывал открыть винную лавку.

Он задумался о словах тётки. Её правда – он хотел наследников, но вот какая штука: он боялся, что, полюбив девушку, потеряет её. Ему казалось, она умрёт также, как и Акулина, с младенцем во чреве. Поэтому не строил надежд, хотя боль от потери жены с годами утихла.

Но Аграфена не сдавалась, продолжая изводить его разговорами о невестах. Савелий лишь отмахивался — его вполне устраивала нынешняя жизнь. Он — первый богач самарского края. Его баржи, гружённые отборным зерном, мылом и камнем караванами бороздили просторы Волги; он любил свой дом, свой сад, свою ворчливую тётку. Ему нравились люди, которые на него работали, он ценил редкие встречи с друзьями, наконец, у него была женщина в Торжке, с которой он спал. А если ему хотелось развлечься – он уезжал за границу. Казалось, всё было благополучно, но порой его охватывало страстное желание иметь сына, и чем старше он становился, тем сильнее желал.

* * *

С Верой Громов встречался давно. Он подумал о её гибком теле и улыбнулся. Сегодня он отдохнёт, а вот завтра покончит с делами на каменоломне — и к ней. Он закроет завод, оседлает Князя и вихрем поскачет в Торжок. Савелий блаженно потянулся. Когда-то он оставлял коня в небольшой роще на окраине Торжка, и пробирался к маленькому уютному домику пешком. Но потом, когда их связь перестала быть тайной, он подъезжал прямо к калитке, и Вера, завидев его издали, выходила навстречу.

Тёмно-русая коса, брови в разлёт, влажные серые глаза — она сводила с ума своей здоровой, русской красотой. Некоторые женщины не слишком лестно отзывались о её связи с богачом Громовым, но ей было всё равно.

Савелий представил, как завтра устроится на мягком кресле, а она опустится возле его ног и расплетёт косу. Он пропустит густой шёлк между пальцев, вдыхая запах её волос, а потом...

— Ах, вот ты где, Савелий! – в его мечты врезался голос Аграфены.

Она примостилась рядом на скамейку и заворчала:

— А я тебе кричу, ты не откликаешься, — старуха оправила складки верхней юбки и сложила жилистые руки на коленях. — Давеча на ярманке была, встретила Мавру Ильиничну, — тётка пристально посмотрела на Савелия, — про тебя всё выпрашивала. Верно, отчаялась Палашку замуж выдать.

Савелий молчал. Тётка зевнула, стряхнула с рукава невидимые пылинки и продолжила:

— А она мне не ндравится. Ей-богу, болезная какая-то.

— Кто? – Савелий с трудом вникал в слова Аграфены, пребывая мечтами в Торжке.

— Да Палашка эта! Ты не слушаешь меня, что ли? Я вот к чему: завтра после обедни в Самару еду. Приглашена к этим... Маврокордато, прости, Господи, душу грешную. У них Настасья на выданье. Видал её? Девка знатная, дородная.

— Ну? – сурово спросил Савелий.

— Что «ну»? Ну... Не запряг, а понукаешь, — Аграфена обиженно поджала губы. — Если мать Настьки разговор об вас заведёт, мне что ей сказать?

— Скажи, что хочешь, ради Бога!

— То есть как? — опешила Аграфена, — да ты понимаешь, об чём я? За вас говорить будем, просватывать, — она внимательно посмотрела на племянника. — Тебя с Настасьей просватывать.

— А-а, — Савелий раздражённо махнул рукой, поднялся и быстро зашагал обратно к дому.

— Чего сказать-то ей? – тётка в упор смотрела в спину Савелия. Он, не оборачиваясь, снова махнул рукой.

— От, непутёвый!.. — старуха покачала головой и перекрестила его.

Она ещё немного посидела, повздыхала, но ветер усилился и погнал старушку в дом. Её снова растревожила мысль, со вчерашнего дня не дававшая покоя: «Настька — девка самая что ни на есть хорошая, вот только в фамилии неблагоприятное свойство...»

* * *

К ужину Аграфена подала запечённое мясо, капусту с грибами и кулебяку, с каждого угла которой завернуты разные начинки: пшённая каша с визигой, грибы с луком, печень с травами и рубленые яйца.

Ел Савелий сосредоточенно и угрюмо, глубоко увязнув в своих мыслях. Старуха, почуяв хмурое настроение племянника, помалкивала, подливая себе в чай густые сливки. Она пила «жемчужный ханский», изредка запуская серебряную ложечку в розетку с крыжовенным вареньем.

После ужина Аграфена, смущённая мрачным видом племянника, спросила:

— Чтой-то ты... как пришибленный. Случилось чего? Али на меня обиделся?

Савелий откинулся на спинку кресла и закурил сигару. Сизый дым медленно поплыл под расписным потолком.

— Саве-елий! Я с кем разговариваю?

— Прости. Задумался, — глухо отозвался он.

— Об чём? На меня, что ли обиделся, ась?

Савва посмотрел на тётку. Высокая, согбенная, в сером платье, седые волосы покрыты пестрядиной косынкой, тёмные глаза на сморщенном лице смотрят ласково и преданно. Недавно он подарил ей серебряный гребень на именины, в ответ она испуганно спросила: «На что?» и спрятала его в свой сундук. Савелий любил её. Правда, иногда она донимала его ворчаньем и бранила, но он только ухмылялся в бороду, слушая её нападки.

Но сейчас он был серьёзен. После обеда из Торжка прискакал Антипа, его управляющий, и принёс дурную весть. Савелий не мог выбросить её из головы весь день, и сейчас, попыхивая сигарой, он размышлял, как поступить.

— Не слышала, тёт? У Зотова беда.

— У Аркашки? — Аграфена замерла с чашкой в руках. — А что такое? Обвал?

Обвалов в этих местах боялись пуще чумы. Не сосчитать сколько добрых камнетёсов сгинуло в недрах со времен первой вскрытой жилы.

— Нет, — Савелий качнул головой, — Ульянка с ребятишками погибли.

— Как так?! — ошеломлённая Аграфена, прижав сухие руки к груди, тяжело осела на стул. — Как же это, Саввушка?

— Да вот, — глухо начал Савелий, — к южным лиманам³ они ездили, здоровье поправить. На пароходе, значит, шли по морю, да и затонули в шторм.

Старуха стала быстро креститься, мигая влажными глазами:

— И что же, утопили все?

— Все.

— Неужто?

— Как есть, все. — Савелий немного помолчал. — Ульянку с девчонкой нашли, а мальчика пока нет. С утра в Торжок два гроба привезли.

— А как же Ванька?

Савелий лишь молча развел руками.

³ Лима́ны (поездка на лиманы) — популярный в XIX веке бальнеологический способ лечения на целебных грязевых озёрах юга Российской империи (преимущественно под Одессой). Богатые купеческие и дворянские семьи отправляли туда жён и детей по предписанию врачей для поправления здоровья.

— Господи, помилуй... Неужто дитя не найдут? — всхлипнула Аграфена, сокрушаясь о мальчишке, пропавшем в пучине волн. — Хоронить-то как, ежели тела нету? О-ох... Земля еси и в землю отыдеши...

Сердце Савелия болезненно сжалось. Ему не хотелось говорить об этом и будить воспоминания об Акулине. Тяжело поднявшись, он подошёл к окну, и некоторое время вглядывался в синеву августовского вечера. Капли дождя гулко ударялись о стекло.

Когда умерла Акулина, он сидел возле гроба с её родителями. Тёща, маленькая пухлая женщина с красным потным лицом, то и дело опраправляла кисейный рюш в изножье гроба, приглаживала Акулине волосы и рассеянно крестилась. Душа дочери отлетела, но мать продолжала упорно цепляться за неё, то и дело прикасаясь к мёртвому телу: поправляла венчик на жёлтом лбу, гладила руки. Тесть казался раздавленным горем и покорным судьбе, смерть протянула костлявые лапы к его ребёнку, и ничего нельзя было поделывать, решительно ничего.

Вспомнив страшные минуты, Савелий почувствовал, как сердце снова сдавила ледяная рука. Обернувшись, он сокрушённо сказал тётке:

— Не представляю, как это — хоронить ребёнка. Эх, Зотов...

Но Аграфена уже стояла перед образами, кладя крестные поклоны, и не видала, как племянник вышел из дому, захватив из буфета большой кусок пирога.

Зотов

Последняя встреча с Зотовым носила оттенок холодной неприязни, но теперь это не имело значения. Савелий искренне сочувствовал Аркадию.

После раздумий Громов решил, что поедет в Торжок и лично принесёт соболезнования. Он уважал Аркадия, хотя тот предпочитал держаться на расстоянии, видя в Громе непримиримого соперника. Между ними не было ни приятельских, ни каких бы то ни было отношений, но то, что произошло сегодня, не имеет связи с делами.

Эхо грозы отгремело вдалеке. Дождь затих, лишь редкие капли падали с крыши кладовой, куда направился Савелий. Скрежет засова пререзал вечернюю тишину. Громов прихватил вяленого мяса, наполнил флягу крепкой тёткиной настойкой и зашагал в конюшню.

Красавец Князь радостно заржал, почуяв хозяина, и нетерпеливо задвигал ногами. Громов закрепил седельную сумку с провиантом, вскочил в седло и, резко пришпорив коня, растворился в вечернем мареве.

Аграфена вышла на крыльцо, кутаясь в шаль. Она глядела вслед племяннику глазами, полными слез. Надо же... хоть Зотов и «точит зуб» на него, а Савелий первым сорвался в ночь, чтобы разделить чужую беду. У её мальчика золотое сердце, слишком большое для этого жестокого мира. Она перекрестила дорогу и вернулась в дом.

* * *

Князь мчался быстрее ветра, почуяв настрой хозяина. Савелию хотелось скорее добраться до места, и вот уже осталась позади Боголюбская гора, зияющая зотовскими штольнями. Обычно в этот час горняки заканчивают работу, и управляющие теснятся у конторы с отчетами. Но сейчас Громов не слышал ни лязга молотков, ни звука падающих камней – гора пугала тишиной.

Спустя двадцать минут бешеной скачки впереди замаячил костлявый силуэт ветряной мельницы, возвещая путника о приближении к Торжку. Дорога стала вязкой, изрытой колеями, и Громов попридержал коня. От земли поднимался густой пар, пахло намокшей пылью и прибитой к земле травой.

Миновав первые торжковские избы, Савелий почувствовал, что Князь мелко дрожит от усталости. Он спешил. Взяв коня под уздцы, он направился вглубь села, к самому высокому и красивому дому.

В сизом небе, чисто вымытом грозой, таяло тёплое августовское солнце. Казалось, Торжок вымер: ни в одном переулке Савелий не встретил ни души. Тишину нарушал лишь ленивый лай собак да старик с метлой. Он сгребал опавшие листья в аккуратные кучи вдоль забора, и мягкий шорох плыл по улице, растворяясь в вечернем мареве.

Впереди, за густыми кронами деревьев, показалась крыша зотовского особняка. Подойдя ближе, Громов заметил, что во всех окнах горит свет. Дом словно замер, испуганно тараща жёлтые глазницы в сизый вечер. Отстроенный на славу, он стоял как страж времён, упираясь в небо островерхим шпилем. Над входной дверью поблёскивал мраморный картуш в виде свитка с вензелем «АЗ». Широкий балкон, опиравшийся на четыре пилястры, тянулся через весь фасад. Этот дом замышлялся как родовое гнездо для большой семьи и счастливой жизни.

Савелий привязал коня к забору, перебросил через плечо сумку и вошел в распахнутые ворота.

На крыльцо вышел незнакомый мужчина, но, завидев Громова, отпрянул и скрылся за дверью. Савелий успел услышать, как из приоткрытого окна донёсся приглушённый шёпот:

— Громов приехал...

Савелий толкнул тяжёлую дверь. В прихожей пахло воском, сосной и тем особенным запахом, который приносит в дом только смерть.

Проходя мимо огромного зеркала в резной раме, которое не успели повесить полотном, Савелий мельком увидел свое отражение: серое от пыли усталое лицо и взлохмаченные бешеной скачкой волосы.

Просторная зала с высокими потолками была погружена в полумрак, окна занавешены тяжёлым бархатом, чтобы свет не тревожил уснувших. Восковые свечи мерцали в массивных канделябрах, расставленных по углам. Сладковатый запах тающего воска забивал лёгкие, смешиваясь с ароматом хвойных веток, которыми был устлан пол.

В самом центре залы, на высоких постаментах, задрапированных чёрным сукном, стояли два гроба. Один — широкий, из тёмного дерева — Ульянов. Рядом — маленький белый гроб дочери, усыпанный первыми астрами. Третий постамент, предназначенный для Ванюши, пустовал — на нём сиротливо лежала детская крестильная рубашка, ожидая тело, которое не хотело отдавать море.

Возле гробов стояла плакальщица — приглашённая из Торжка старуха, которая монотонно, едва слышно читала Псалтирь. Её сухой, шелестящий голос был единственным звуком в душной тишине. Чуть поодаль, у самой стены замер Антипа — управляющий Громова. Он не решался подойти ближе, чувствуя себя лишним, но и уйти не мог, ожидая распоряжений хозяина.

Антипа недаром считался доверенным лицом Громова. Он зорко следил за каждым шагом в округе, и по долгу службы ни одна новость не могла пройти мимо него. Так он первым узнал о прибытии скорбного груза в Торжок. Будучи человеком старой закалки, Антипа остался в чужом доме из чувства христианского долга и мужской солидарности.

Зотов сидел на низком, грубом табурете перед крестильной рубашечкой, неподвижный и страшный в своём оцепенении. Широкие плечи опущены, а голова бессильно склонена к груди. Он не хотел видеть сочувствующих лиц, не хотел встречать взгляды любопытных — он вёл свой последний, безмолвный диалог с сыном, чью могилу ему, возможно, так и не придётся навестить. Его всегда прямая спина сейчас казалась надломленной, точно хребет старой сосны, сдавленной под натиском урагана.

Когда Савелий вошел, половица под его сапогом предательски скрипнула. Зотов не шелохнулся. Савелий остановился в нескольких шагах. Он не стал снимать плащ, лишь стянул картуз и прижал его к груди. В горле застрял ком, но ему удалось прохрипеть:

— Соболезную.

Зотов медленно, словно преодолевая сопротивление невидимых оков, повернул голову. Его лицо пугало. Обычно загорелое и живое, сейчас оно пожелтело и осунулось, превратилось в маску. В глазах — выжженная пустота. Савелий подошёл ближе и первым подал руку. Аркадий, поколебавшись мгновение, пожал её своей большой, мягкой ладонью.

Громов стёр набежавшую слезу и протянул Зотову флягу с настойкой. Тот долго смотрел на неё, потом перевёл взгляд на Савелия. Его губы дрогнули.

— Мальца... Ваньку так и не нашли, — тихо произнес он.

Савелий молча положил ладонь на плечо бедняги.

На Торжок опустилась ночь.

* * *

Перед мраморным камином в кабинете Зотова стоял огромный письменный стол, заваленный чертежами новых штолен. Сейчас они казались бессмысленными каракулями.

Аркадий опустился в кресло за столом, Савелий сел напротив, застыв с прямой спиной. Масляная лампа под матовым колпаком отбрасывала длинные тени. Они зыбко дрожали на стенах, вырывая из темноты лишь два суровых лица да ворох бумаг.

— Десять лет назад я потерял жену, она была на сносях, но я так и не увидел своего ребёнка, — сказал Громов.

Аркадий понял, что этот большой светловолосый мужчина, которого он всегда считал зарвавшимся дельцом, искренне сопереживает ему. Он смотрел на жилаевца глазами, полными слёз. Несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, Зотов и Громов были до странного похожи. Такой же могучий как соперник, Аркадий казался почти его отражением. Вот только природа наделила его тёмными красками: плотная шапка смоляных волос, небольшая, колечками, борода. Из-под густых, чётко очерченных бровей дерзко смотрели карие глаза, которые теперь казались совсем потухшими.

Внизу шелестел голос плакальщицы, а здесь два самых богатых и сильных человека Поволжья сидели друг против друга, раздавленные сознанием того, что никакое золото мира не способно вернуть тепло детской руки. Глядя на Зотова, Савелий почувствовал, как в душе колыхнулась старая боль.

Аркадий, смахивая с опухших глаз слёзы, сказал:

— Сегодня с утра... гляжу в окно — дроги... Ведь я ждал Ульянку с ребяташками только к Покрову. Третьего дня от неё письмо пришло; пишет – всё, мол, слава Богу, дети здоровы, скоро поплывем на «Маньчжурии» до Одессы...

Он вытер кулаком глаза и посмотрел на Савелия:

— Ваньку... мальчика моего... не нашли...

Упомянув сына, Зотов не смог продолжать, голова безвольно повисла на грудь, тугие, здоровые плечи, сотряслись от беззвучных рыданий.

Савелий поставил фляжку перед Зотовым:

— Выпей, тебе надо. Но только сегодня! А с завтрава — шабаш! Когда Акулину хоронил, думал с ума сойду. Чуть не угробил себя пьянкой. День с водки начинал. Знаю я всё, пережил однажды.

С трудом Зотов поднял голову и посмотрел на Громова взглядом потерявшегося человека. Он взял флягу и сделал небольшой глоток, а следом ещё один.

— Пей, пей, — Савелий развязал сумку и достал солонину, протягивая ломоть Зотову. — На вот, закусывай. Давно, поди, не ел.

Немного поколебавшись, тот взял угощение и машинально откусил.

— Не могу поверить, что их больше нет, — голос Зотова звучал глухо. Он судорожно сглотнул и уставился впереди себя невидящими глазами. — Малаше три года всего... Она у меня приткая девчушка, заберётся, бывало, на колени, да за бороду меня — хват. А Ванька — тот тихий мальчонка... Сядет подле няни, и прилежно так, смирно сидит, покуда не позовёшь. А как радовался, когда мать их на море собрала! «Тятя, тятя, а мы на море с мамкой поедem... там кораблики плавают... а правда, что вода морская — солёная и пить её нельзя?» — Зотов не стесняясь, заплакал навзрыд. — Теперь, сынок, узнал ты, какова водица в море-то...

Савелий обошёл стол и опустил ладони на плечи Зотова, безмолвно разделяя его горе. Он знал, что уж ничем не помочь несчастному.

Аркадий поднял голову и увидел, что из глаз Громова катились крупные слёзы, застревая в бороде.

— Савка... Как я без них, а? — хрипел он, цепляясь за рукав громовского кафтана. — Малышка моя, дочка... Ульяна... Если Ваньку не найдут, я умру... не вынесу...

Савелий подумал, что мальчика вполне могут не найти, и молился про себя, чтобы этого не случилось. Он много раз слышал от людей, что не каждого утопленника находят.

Не спеша, взвешивая тяжесть своих слов, Громов произнёс:

— Ты, Аркадий, молод ещё. Сколько тебе?

— Двадцать семь.

— У-у... — прогудел Савелий, — вся жизнь впереди. Может, тебе покажутся мои слова страшны, но пройдёт время, и ты снова женишься. Да, брат. И снова у тебя будут дети. Главное, выдержи, не сломись. Страшный момент, тяжёлый. А живым в гроб не ляжешь.

Савелий незаметно подтолкнул ему флягу, и Зотов сделал глоток, тяжело качая головой.
* * *

Через час в дверях кабинета показался горбатый ямщик. Аркадий вздрогнул при виде неказистого мужика, и лицо его вмиг стало мертвенно-белым. А тот дёргал плечами, переминался с ноги на ногу, не решаясь произнести страшные слова.

— Чего тебе? – спросил Громов.

— Жалко хозяина, — мялся ямщик, — вишь ты что... опять до него домовина.

— Ванька?! – Закричал Зотов и бросился из кабинета, встречать страшный груз.

Через минуту со двора донёсся страшный рёв Зотова. Громов подошёл к окну. В свете луны он разглядел перед домом дроги, с которых два мужика стаскивали маленький гроб, окрашенный тёмной краской. Зотов стоял на коленях в дорожной пыли, громко плакал и, раскачиваясь в разные стороны, заламывал руки, протягивая их к сыну. В этот страшный день на него обрушилось невыносимое горе, он разом потерял всю семью.

Когда всё стихло, Савелий спустился в вестибюль, и, осторожно открыв дверь, вышел вон. Он немного побродил по притихшему селу, полной грудью вбирая душистый сырой воздух, и снова вернулся в дом. До самого рассвета он просидел бок о бок с осиротевшим вдовцом, который в полузабытьи вновь и вновь повторял имя сына.

* * *

На пути домой мысли Савелия неотступно возвращались к Зотову. Размышляя о его характере, Савва пришёл к выводу, что тот всё же оправится. Выдюжит. Такие как он не ломаются под ударами судьбы, лишь крепче врастают в землю. Сам он был лишь немногим старше, когда померла Акулина. И ведь нашёл же он в себе силы выкарабкаться из хмельного омута и заново отстроить жизнь. Время неизбежно возьмёт своё, притупив даже эту невыносимую боль.

Занимался рассвет. Савелий ехал не спеша, давая Князю идти вольным шагом. Он смотрел, как заря окрашивает край неба в розовато-золотистые тона. Воздух был пропитан острым запахом реки и испарениями земли, смоченной вчерашним дождём. Между пышными обрывками облаков, кое-где проглядывали клочки светлеющего неба. Над водой, оглашая окрестности резкими криками, кружили жирные чайки. В траве дрожал стрёкот кузнечиков, а листва прибрежных ив шепталась с землей, накрывая мокрый песок длинными ветвями.

Громов подивился красоте звуков и запахов. Всё было странно и грустно. Он подумал, как судьба порой распоряжается жизнью и смертью. Как это страшно — терять людей, в которых заключён смысл твоего земного пути. Савелий понадеялся, что придёт время, и Зотов снова женится и обзаведётся детьми.

Ещё издали Громов увидел Аграфену. Она жгла мусор позади дома. Старуха сидела на деревянной чурке в исподней рубахе и длинной палкой шуровала в костре, наблюдая, как жадное пламя пожирает сухие ветви. Резкие порывы утреннего ветра швыряли в огонь сморщенные листья, взмывая искры прямо в небо. Прохладный воздух трепал полы старушечьей сорочки, обнажая худые, в синих жилах ноги.

Савва молча сел рядом. Он раскурил сигару, выпуская сизые клубы дыма, которые тут же смешались с дымом костра.

— Ваньку вечером привезли. Нашли-таки... недалеко от Тарханкута.

Аграфена вздрогнула и мелко закрестилась на монастырские купола, полыхнувшие в лучах утреннего солнца.

— Страшно, касатик, — прошелестела она, не отрывая взгляда от горизонта.

— Что страшно?

— Умереть вот так, захлебнувшись. Без покаяния...

Он безучастно посмотрел на огонь.

Помолчав немного, старуха прикрыла глаза и сказала:

— Жаль Аркашку. Вся жизнь в трудах, пахал с утра до ночи. Детей по праздникам только видал. Эх, горняки! Собыются в кучу на Боголюбской-то, и молотками машут. Давит их гора, калечит, а они знай себе работают. Давят — а работают!.. И вот ведь какая штука, гляди-тко: батраки ваши все с семьями. У кого по двое, по трое, у кого, глядишь, по пять ребятишек. И ничего, живут как-то. Семьёй оно дружнее. А как же!? Всякому человеку предел положен, а оставить после себя кого-то надо. У Аркадея хоть и недолгое счастье, но было! А может и ещё будет, молодой он. А вот ты? На что жизнь положил? Для кого жилы рвешь? — Тётка покачала головой, стараясь стряхнуть с себя обуревавшие горестные мысли. — Вот скажи, ведома человеку воля Божья? А, мил человек? Нет, ты ответь, ответь! — Старуха легонько ткнула Савелия в бок сухим кулачком. — Молчишь?.. То-то и оно — неведома. Но одно я тебе верно скажу: сначала по капле, с кровью и потом выльешь ты силы свои на землю, а потом сам же в неё и ляжешь. И дети по тебе не заплачут, нет их, — старуха развела руками, — и жена слезы не уронит.

— Аркадий молодой ещё, — сквозь зубы выговорил Савелий, глядя как серый пепел оседает на сапоги. — И жену новую сыщет, и детей заведёт.

— Он то заведёт, да не об нем речь!.. — голос Аграфены дрожал от сдерживаемой горечи. — А ты что же, Савва? Неужто родился, чтобы поковыряться в горе своей и опосля умереть?! Раб ты камней этих, вот кто! А между тем, день и ночь бегает друг за другом, тебе почти сорок лет, смотри, кабы поздно не было!

Савелий докурил, бросил окурочек в костер и обнял тётку.

— Пошли домой... Устал я.

— Я здесь побуду, догляжу, — всхлипнула Аграфена, утирая набежавшие слезы, — а ты иди, поспи.

Савелий достал из кармана платок, бережно вытер её лицо, набросил на сухие старушечьи плечи свой пиджак и пошёл в дом.

Тишина пустых комнат снова неприятно поразила его. Он прикрыл дверь, повесил картуз и замер. На миг ему показалось, что на втором этаже звучит голос отца. Встряхнув головой, Савва прошёл в столовую. Он достал из буфета бутылку с квасом и вчерашнюю кулебяку.

Сидя за столом, он позволил себе помечтать: сколько же могло быть у них с Акулиной детей? Сдвинув брови, он медленно жевал пирог и попытался представить детские голоса в этом доме. Какими бы они выросли, его сыновья и дочери? Коренастыми и светловолосыми — в громовскую породу? Или в Акулину, смуглые и стройные? Иной раз краски в детях так переплетутся, что и не поймёшь, на кого похожи... Но уже через мгновение радостную картинку сменила другая: похоронные дроги и Зотов с распростертыми к небу руками. «Нет, хватит мечтать! — оборвал себя Громов. — Одну я уже потерял». Если на его долю выпадет ещё одна смерть, он не выдержит. Пусть всё остаётся как есть, слишком поздно что-то менять. Зачем испытывать судьбу?.. Но стоило лишь подумать об этом, как он понял, что пытается обмануть сам себя. Ведь он хотел сына. И дочку. Как бы он радовался ватаге светловолосых ребятишек!

Глядя на недошитый Акулиной рушник, Громов раздумывал. Прошедшие годы он прожил в одиночестве. Он сам этого хотел. Но сейчас, после страшной ночи, он не мог отделаться от мысли, занозой засевшей в голове. Хватит ли у него мужества поступить так, как он советовал Зотову? Следует ли ему жениться?

* * *

В прихожей хлопнула дверь, брякнул засов и закрипели половицы. Через минуту Аграфена вошла в столовую, поставила самовар и села напротив племянника, сложив на коленях тонкие, сухие руки. Движения старухи, как всегда, были бесшумны и осторожны, как у человека, который привык не обременять собой пространство.

— Что не спишь, касатик?

— Не могу, — Савелий поднял на неё усталый, подавленный взгляд.

— Приляжь на часок... — Аграфена кивнула на окно. — Твои-то вон... уже гору обстукивают.

— Слышу, — Громов медленно поднялся, чувствуя свинцовую тяжесть во всём теле. — И мне идти надо. Некогда вылёживаться.

— Куды!?!.. Ночь ведь не спал!

— Вчера так и не поработал в конторе. Пойду. Всё равно не засну.

Аграфена знала, что племянник после обеда должен ехать к Вере. Только поедет ли, после такой ночи? Она ласково придержала его за рукав:

— Сядь, чайку глани, да пойдёшь.

Савелий подумал несколько секунд, втянул носом воздух и снова опустился на стул.

— Знаешь, тёть... мысли о Зотове покоя не дают. Всё думаю, как он там сейчас...

Старуха внимательно посмотрела на племянника.

— Ты погоди, он оклемается маленько и найдёт себе девку. Аркадей — он такой. Жизни в нём много, его беда не доест. Траур положенный относит и женится. Ты вот только... никак не решишься.

Савелий почесал бороду и серьёзно заговорил:

— Я бы, может, решился.

Тётка окинула его быстрым взглядом и сказала:

— Ну так что? Вот Настасья-то Маврокордато...

— Да погоди ты со своей Настасьей! — перебил Громов, поморщившись. — Я вот о чём: кроме Веры у меня никого не было много лет, но, хоть убей, не могу представить себя её мужем, не могу и всё тут! И потом... — Он нахмурился, глядя на свои огромные руки. — Может, я уже стар для женитьбы?

— Ну уж прям старик, — Аграфена ласково ткнула его ладонью в лоб.

Она видела, что с племянником что-то происходит. На его лице отражались следы внутренней борьбы с самим собой, с застарелыми страхами, в которых он маринвал себя долгие годы. После случая с Зотовым, всё, что десятилетиями копилось внутри, вырвалось наружу и сочилось изо всех пор. И он замер в растерянности, не зная, что с этим делать.

Аграфена жалела племянника и пеклась о нём, как о родном сыне. Её удивляло болезненное нежелание Саввы заводить семью. Она сама была бездетной, так распорядилась судьба. Но у неё был Савелий. Она воспитывала его с детства, и всю нерастрченную материнскую нежность изливала на него.

— А и правда, почему на Верке не женишься?

— Не знаю, тёть... — небрежно ответил Савелий. — Я как-то предложил ей, а она ни «да» ни «нет». Боялась, что люди худое скажут, дескать, вышла за Громова корысти ради, нажиться решила за его счет. — Он усмехнулся, глядя в чашку с остывающим чаем. — Глупости всё это, бабы страхи. Я думал, перебесится и согласится. Но нет... А ещё боялась, что её дети обузой для меня станут.

Тётка осторожно вздохнула. Отхлебнув из пиалы чай, она облизала губы маленьким тряпичным языком и заговорила, качая головой:

— Да уж, такое дело... Понять её можно. А ты слышал, что про неё в Торжке гутарят?

— Чего еще? — Громов нахмурился.

— Говорят, распутёвая она баба. Хотят ворота дёгтем измазать. Уж больно завидуют ей девки торжковские.

— Пусть только попробуют, — разозлился Савелий, его кулак тяжело опустился на стол, — дознаюсь, кто такое сотворит — убью!

— Остынь ты, леший... — махнула рукой Аграфена. — Это так, языками чешут только. Никто в здравом уме не осмелится против тебя открыто пойтить.

Замолчали. Аграфена утёрла салфеткой влажные губы и со значением произнесла:

— Мавра Ильинична намедни сказывала, что, будто, это Веркина мать сама слухи-то про неё распускает.

— На что ей это? – удивился Савва.

— Знамо, на что, — Аграфена прищурилась. — Уж больно хочется, чтоб ты на дочери её женился! Надеется, что пресечешь слухи — венцом да кольцом.

— Я б и женился... — Громов запнулся. — Но тогда. Не сейчас.

— А сейчас чего не так? — старуха впилась в него взглядом.

Савелий хотел уклониться от ответа, но вместо этого проворчал:

— Не поздновато ли женихаться-то?

— Экой ты! — Аграфена аж притопнула ногой под столом. — А Тучнов-то, генерал, в шестьдесят женился! На мо-ло-день-кой! – отчеканила она.

— Мы не генералы, мы – камнетёсы. У нас год за два идёт.

— Жениться тебе надо, Саввушка! – зашумела тётка, но тут же осеклась и добавила совсем мягко, с затаенной мольбой в голосе: — Уж так хочется внуков понянчить, уж так хочется!

Савва улыбнулся одними уголками губ:

— Мне тоже хочется понянькаться.

— Ну так ищи девку-то, не упрямясь! — Аграфена приободрилась. — Ох, ей-богу, давно б кого-нибудь сосватал.

Савелий собрал густую бороду в кулак и стер ею улыбку:

— Иногда мне кажется, что я только Верке и нужен. И за что она меня любит?

— А то не за что! – вскинулась тетка. – Ты что же — урод какой, али расслабленный?

Аграфена знала Веру давно. Тётке по-человечески было жаль её за связь с племянником. Бабу осуждали все в округе. Но, как ни хотелось ей обженить Савелия, мысль, что Вера могла бы стать его женой, была Аграфене неприятна. Нет, тётка не стала бы чинить препятствий, решишь он обручиться с Верой, но втайне считала бы это ошибкой. Савелию нужна молодая, сильная девушка, способная выносить и родить дюжину ребятишек, а Вера недавно разменяла третий десяток. Какая из неё роженица?

Тётка упёрлась длинными руками в ручки кресла, осторожно приподнялась и потянулась за мармеладом. Савелий, устало склонив голову, медленно гонял по скатерти хлебный мякиш.

— Ты ночью-то спал там, у Аркадея? Маленько?

Громов покачал головой.

— А Аркашка спал?

— Какой там, кричал до утра, насилу Антипа увёл его, когда уж он с ног стал валиться.

— О-хо-хо... — Аграфена сокрушенно вздохнула. — Надеюсь, он не совершит твоей ошибки. Помяни моё слово, Аркадей не станет долго в бобылях сидеть.

Тётка дожевала мармеладную палочку и ласково уставилась на племянника. Савелий глядел в окно, где занимался равнодушный летний день. Столько печали, столько боли увидела Аграфена в его глазах, что её охватило желание немедленно утешить его, обласкать.

Поднявшись с места, она подошла к нему и мягким, осторожным движением положила ладонь на могучее плечо.

— Поспал бы, касатик, ась?

— Вечером отосплюсь. Идти надо, — ответил Савелий, тяжело поднимаясь со стула и бережно снимая тёткину руку с плеча.

Перед тем, как выйти из дому, он долго скоблил себя мочалкой. Переменив рубашку и выпив большую чашку крепкого чая, он вышел из дому. Бессонная ночь давала о себе знать.

* * *

Штольни встретили хозяина гулками ударами молотков. Каменщики слаженно разрабатывали пласт, изредка переключаясь друг с другом. Громов в который раз наблюдал привычную

картину: рабочие, разбившись по двое и по трое, обрабатывали известняк. Сначала замеряли глыбу деревянными рейками, обструганными из подвернувшейся под руку доски, а потом при помощи молотка и клиньев придавали ей форму куба и дробили по строгим размерам.

Мужики, перебрасываясь шутками, кололи глыбы, точно орехи; поддоны с невероятной быстротой заполнялись готовыми блоками. Важен не только удар, но и чутьё — нужно распознать правильный камень, угадать его зернистость и сухость по едва заметному оттенку жилы. Громов лично контролировал качество каждой партии. Огромная часть товара уходила за границу, особенно в Пруссию — немцы питали необъяснимую страсть к русскому камню, ценя его прочность превыше своего.

Отперев дверь деревянной конторы, примостившейся у подножия штолен, Савелий с головой ушёл в дела. Бумаги копились, требуя немедленных решений, и среди прочих дел особняком стоял вопрос о новой школе для жилиевских ребятишек. Село разрасталось, пришлые рабочие везли с собой семьи, и единственная старая школа уже не вмещала всех детей. Савелий взял постройку на себя.

Он разложил на столе план местности и полчаса сосредоточенно вычерчивал проект, прикидывая розу ветров, пока перед глазами предательски не заплясали белые мушки, а карандаш в отяжелевших пальцах стал казаться неподъёмным.

Последние дни Громов жил, оглушённый трагическими событиями. Сначала ушёл отец, теперь семья Зотова. И сейчас он кружился в густом тумане неясных дум, запутывался в мыслях и не мог понять, что больше тревожит его: разрастание империи Громовых или неустроенная жизнь, проходящая в скуке однообразных забот? От этого он стал раздражённым, усталым, всё чаще вспоминал детство, молодого отца, и дошёл до того, что всё ему сделалось противно: и его рабочие, в которых вдруг увиделось что-то халатное; и тётка со своими причитаниями о женитьбе, и даже от самого себе ему сделалось неприятно и досадно. Когда он понял, что его состояние явилось следствием неимоверного изнеможения, ему захотелось уехать подальше, в далёкие края, глотнуть чужого воздуха и вытравить из себя накопившуюся желчь новыми впечатлениями.

О поездке за границу он помышлял давно, и теперь со всей ясностью увидел острую необходимость сменить обстановку, ставшую для него невыносимой.

Взгляд его упал на свежий номер «Московских ведомостей», присланный с утренней почтой. На первой полосе пестрели заголовки о небывалом торжестве прогресса — всемирной Выставке в Париже. Газета с восторгом описывала исполинский дворец Омнибус на Марсовом поле, где под стеклянными сводами собрали чудеса со всего света: мощные паровые молоты, гидравлические прессы и загадочное электричество. Громов жадно вчитывался в страницы, и в его деятельном уме, истосковавшемся по живому делу, что-то щёлкнуло.

Теперь нужда сменить обстановку стала физически необходимой. И как вовремя подошёл предлог для бегства — Выставка!

Савелий сидел за столом конторы, крепко прижав затылок к дощатой стене. Сотрясаясь от лязга молотков, хлипкая стенка вздрагивала. Громов замер, ожидая, что эта дрожь прогонит сон. Но тело, одереvenев, валило его с ног, — сказывалась тяжёлая бессонная ночь. Сквозь туман в голове он ухватил одну мысль, плотно прицепившись к ней. «Поеду в Париж». Поглощённый тревожными думами, он растянулся на жиденьком, жёстком тюфяке в углу конторы, и тотчас заснул.

* * *

Проснувшись после обеда, Савелий долго растирал затекшие на жёстком лежище руки и ноги, и взглянув на карманные часы, стал собираться к Вере. Он складывал в сумку бумаги, угрюмо вспоминая события прошлой ночи, когда вдруг, точно из стены вылез Андрей, сторож его конторы и иногда кучер, ежели требовали обстоятельства.

Перед хозяином стоял крепко сбитый мужичок лет сорока пяти, коротко стриженный, с густыми, по-солдатски лохматыми усами.

— Здравствуйте, Савелий Петрович! — голос Андрея прозвучал бодро, по-свойски.

Громов тепло приветствовал его, подав широкую, в мозолях, ладонь. Он держался с рабочими запросто, без заносчивости. Савелий гулял у них на свадьбах, стоял у гробов, крестил детей и часами беседовал со старыми камнетёсами. Они давали много дельных советов и любили хозяина, восхищаясь его деловой хваткой. «Вот как дела делать надо!» — наставляли они молодых, кивая на Громова.

Обычно Савелий работал на верхних штольнях, но не спускал глаз и с нижних — самых коварных. По весне там, ниже уровня реки, вода часто грозила обрушить своды. Но сейчас причин для беспокойства не было. Летом на разработках спокойно и тихо, ничто не мешало отбивать известняк и закладывать новые шурфы⁴.

— Не надо ли чего, Савелий Петрович? — Андрей весело и прямо смотрел хозяину в глаза.

— Князя напои и седло смени на дорожное, — приказал Громов, застегивая сумку. — В Торжок еду.

— Будет сделано! — задорно отозвался Андрей и удалился вразвалку, довольно побрякивая, всегда готовый угодить любимому хозяину.

Шагая к конюшням, он раздумывал, как попросить Савелия Петровича за своего сына Пашку. Мальцу уже пятнадцать лет, парень смыслённый, глаз вострый, а вот телом не в отца — для тяжелого кайла не годится, жилы слабоваты. Андрей втайне гордился, что сын обучен грамоте, и мечтал пристроить его в контору, под надежное крыло Громова.

«Савелий Петрович мужик справедливый, — рассуждал Андрей, привычно оглаживая морду Князя, — ежели Пашка рвение покажет, в люди выйдет. Будет при деле, при чистой рубашке, не то, что мы, вечно в каменной пыли по локоть». Уж очень хотелось Андрею, чтобы его первенец приобщился к умственному труду через перо и бумагу. Он уже подбирал слова, но решил отложить разговор. Из Торжка хозяин всегда возвращался в добром расположении духа — этим и стоило воспользоваться.

⁴ **Шурф** — вертикальная или наклонная подземная выработка небольшой глубины (обычно до нескольких саженей), пробиваемая с поверхности земли. Используется для разведки пластов камня, вентиляции штолен или спуска материалов в подземные штолки.

Вера

Этой весной Волга разлилась широко, и вода стала настоящим бедствием. Несколько штолен пришлось закрыть из-за мощного оползня, но, к счастью, все рабочие остались живы и здоровы, никто не пострадал. Раздумывая об этом, но больше всего о предстоящей встрече с Верой, Савелий вышел на крыльцо и подставил спину нежному августовскому солнцу, ещё довольно сильно припекавшему после полудня. Воздух стал гуще, тени удлинились. Князь, уже напоённый, нетерпеливо бил копытом у коновязи. Громов проверил подпругу, вскочил в седло и, не оглядываясь, поскакал в сторону Торжка.

Конь нёсся стрелой, так что борода и волосы всадника растрепались от встречного ветра. Помыслы Громова устремились к Вере. После ужаса минувшей ночи ему до одури хотелось увидеть её, ощутить тепло стройного тела, забыться и обрести покой, который умела дарить лишь она одна.

Громов привык к этим отношениям. Дважды в неделю он срывался в Торжок, чтобы остаться у Веры на ночь. Еще на заре их отношений он выстроил для неё добротный, крепкий дом и обставил его прочной, красивой мебелью. Её дочери — двенадцатилетняя Наденька и семилетняя Полинка — были неизменно ласковы и приветливы с «дядей Саввой», чем заслужили его искреннюю привязанность.

Теперь ему и Вере не приходилось скрывать свою связь, все в Торжке и в окрестных деревнях знали, что Вера — любовница Савелия Громова. Но злые языки страшнее пистолета. Поначалу торжковцы шушукались у Веры за спиной, перемывая кости удачливой бабе. Однако со временем даже заядлые сплетники прикусили языки, — уж больно скор на расправу оказался Громов. Некоторые, особо языкастые, пережили неприятные минуты в его обществе, вполне ощутив на себе гнев жиляевца.

Больше всего яду источали местные бабы, ревновавшие к Вере своих мужей. И, по правде сказать, было от чего. Густые волосы красавицы, заплетенные в тугие косы, спускались ниже пояса; высокая грудь, сочные губы и прямой, пронзительный взгляд серых глаз — всё это сводило с ума добрую половину торжковских мужиков.

И, хотя Савелий видел, что Вера не стремится подчеркнуть свои прелести и одевается просто и без затей, её яркая красота всё равно проступала наружу — мужчины вокруг неизменно подтягивались и затихали, едва она появлялась рядом.

Когда Громов впервые увидел Веру на торжковской ярмарке, она так плотно засела в его мыслях, что через некоторое время он вернулся в село и разыскал красавицу. А когда узнал её лучше, разглядел редкую доброту и порядочность, то привязался к ней всем сердцем. Вера к тому времени уже хлебнула лиха. Муж бросил её с двумя крохами, не выдержав мук ревности, и нашёл себе кривую Анфиску, которую частенько поколачивал за то, что та была некрасива.

Вера очень любила дочек, казалось, она была готова ради них на что угодно. Она много работала, и первое время не принимала от Савелия подарков, без конца твердив, что ей от него ничего не нужно.

Савелий не один раз пытался выбросить из головы красавицу, а всё из-за того, что привязывался к ней сильнее и сильнее. Его пугала зависимость от этих встреч. Но попытки отказать от неё были обречены — его манила душевная теплота и чувственная ласка женщины. Постепенно Вера наполнила сердце Савелия своей кроткой, искренней заботой. И он мчался в Торжок, влекомый желанием быть рядом.

В тридцать лет Вера ни грамма не утратила своей красоты, она была по-прежнему стройна и моложава, с тонкой талией, лёгкой походкой и высокой грудью, будто и не выкормила двоих детей. Она каждый день вставала с зарёй, спускалась на кухню и вместе с кухаркой, которую нанял Громов ей в помощь, готовила завтрак. Накормив девочек, она шила, чинила

белье, а после бежала в поле — вязать снопы, полоть или молотить хлеб. После трудов праведных она шла с дочками в сад, и сидела там до вечернего чая.

Как бы хороша ни была Вера, но сейчас, по прошествии стольких лет, Громов не мог представить её в роли жены. Она казалась слишком опытной, открытой, простой и слишком земной. Он не мог сказать определённо почему, но чувствовал, что девушка, которую он называет своей женой, должна быть совсем иной, отличной от Веры. Иного круга, иных качеств характера, иных увлечений. Этими мыслями он несколько не принижал достоинств Веры и её значения в своей жизни, да вот только он мечтал, чтобы та, которую он когда-нибудь поведёт под венец, кроме страсти, смогла возбудить в нём чувства, доселе неиспытанные даже с Акулиной.

Сказать по правде, он ничтожно мало прожил в браке и не успел толком узнать её до конца. В его памяти она осталась молчаливой, боязливой и болезной молодой женщиной, так и не успевшей подарить ему сына. Он любил её простой, спокойной любовью, так, как мог любить суровый молодой каменщик. И жена отвечала ему тихой привязанностью, не испытывая особой страсти, о которой пишут в книгах. У них была спокойная и недолгая семейная жизнь.

Но Савелий знал, что бывают отношения иного рода, когда руководят чувства высшего порядка — упоение тонким умом избранницы, её душевным благородством, остроумием, изящным вкусом; когда испытываешь трепет и сердечное волнение при одном взгляде на предмет обожания, когда готов бросить к её ногам всё, что имеешь и самого себя, лишь бы поймать своё отражение в её прекрасных глазах. Ни с Акулиной, ни с Верой, ни с другими женщинами, что встречались ему на пути, Савелию не довелось испытать ничего подобного.

Он и хотел, и страшился любви, замешанной на особой чувственности. Хотел, потому что этого хотят все мужчины от восемнадцати до восьмидесяти лет, а страшился — потому что великая любовь есть великая уязвимость. От состояния райского счастья можно низвергнуться в пучину ада, сгорая от невыносимых страданий: от вечного страха, что тебя разлюбят и от мук ревности, коих избежать не удастся, окажись избранница святее самого патриарха. Такая любовь — это огонь, который может согреть, но чаще сжигает дотла. А ещё он боялся в один миг потерять всё, как Зотов, и не найти в себе сил выкарабкаться из-под обломков.

Тем не менее, сейчас он был с Верой — преданной, любящей, обыкновенной земной женщиной, и пока его всё в ней устраивало. Она не была образованной, по-светски утончённой и острой на язычок, как молодые знатные дамы из самарских салунов, зато она была удивительно гармонична, обладала мягким характером, и умела соткать вокруг себя кокон умиротворения, из которого было сложно вырваться и погрузиться в обыденность. Рядом с ней находила отдохновение душа Савелия, и за одну эту добродетель он, если б мог искусно владеть пером, превозносил и воспевал её в стихах. А ещё его восхищала смелость Веры, с которой она бросилась в их отношения несмотря на то, что подчас ей бывало очень нелегко.

* * *

Торжок встретил всадника угнетающей тишиной. Казалось, сам воздух здесь пропитался несчастьем, выпавшим на долю самого богатого жителя села — Аркадия Зотова.

В желтовато-дымном небе, затянутом пеленой далеких пожаров, носились угорелые чайки. Недалеко от Торжка горели торфяники. Сухой ветер посвистывал, срывая жухлые листья с деревьев, вздымал пыльный песок, гнал его над землёй вместе со стружкой, перьями птиц и, внезапно бросая это в людей, уносился в леса, раздувая пожары.

Савелий отметил унылые лица жителей, вяло передвигавшихся по улицам, и ему ещё сильнее захотелось увидеть Веру, неизменно радостную, живую, тёплую.

За полверсты до её дома он спешил, взяв Князя под уздцы. Конь отчего-то нервничал, фыркал и задира голову, натягивая поводья.

Навстречу им шла молодая светловолосая девушка. Она изящно ставила впереди себя маленькие аккуратные ножки в сафьяновых туфельках и улыбалась Савелию. Её взгляд не

оставлял сомнений в том, что она не прочь познакомиться с ним поближе. В другой день он обязательно поклонился бы белокурой красавице и обменялся с ней парочкой любезностей, но сегодня он не в том настроении. Громов опустил голову и свернул в проулок.

Пропетляв ещё немного по узким, затянутым дымкой улочкам, он наконец оказался у аккуратного домика Веры. Двухэтажный, украшенный резьбой и крытый железом, он выделялся среди торжковских изб тремя мезонинами. Особенно Вере понравился навес на резных столбах, под которым Савелий поставил дубовый стол и две скамьи. А рядом с домом притулилась небольшая баня, невиданная в селе роскошь.

Здесь, на самом краю поселка, запах гари ощущался особенно остро. Громов наспех привязал Князя к дереву, рванул калитку и в нетерпении взбежал по крыльцу.

Он знал, что Вера ждёт его и, распахнув дверь, быстро окинул взглядом небольшие сени. Каждый раз, переступая этот порог, он волновался, как мальчишка. Внезапный прилив дикой, первобытной страсти захлестнул его с головой.

— Вера?! Я приехал! — крикнул он, стряхивая с плеч дорожную пыль.

Вера любила Савелия беззаветно и страстно, и жила от встречи до встречи, тщательно готовясь к каждому свиданию: подолгу сидела в дубовой бочке с душистой эссенцией, чтобы кожа приобрела тонкий, ни с чем не сравнимый аромат, тщательно укладывала волосы в причёску или просто забирала в косу, которую Савелий любил расплетать. Ему нравилось смотреть, как каскад длинных волос окутывал Веру, прикрывая её наготу.

Савелий чувствовал себя здесь как дома, но никогда не возил любовницу к себе, в Жилиево. Вера знала, что когда-то Громов был женат, но совсем недолго. Местные кумушки давно рассказали ей про Акулину.

— Вера!? – требовательно позвал Савелий.

Ответа не последовало. Сбросив сапоги, он прошел вглубь дома, прислушиваясь. Из дальней комнаты доносилась тихая, незнакомая песня. Вера напевала её низким, грудным голосом. У Савелия захватило дух. Поколебавшись мгновение, он коротко постучал. Песня смолкла.

— Вера? – негромко позвал он, не узнавая собственного голоса.

Не дождавшись ответа, он толкнул дверь и вошёл.

Она лежала на мягком, тёмном ковре, ослепительно белая и прекрасная в бесстыдстве своей наготы. Савелий отпрянул от неожиданности, не в силах оторвать взгляд от её тела. Так она его ещё ни разу не встречала.

Вера лежала на спине, закинув руки за голову. Распущенные волосы разметались по ковру, переплетаясь с восточным узором. Формы её тела, пучки волос под мышками и в паху настойчиво лезли в глаза, заставляя его чуть ли не кричать от желания. Он смотрел не отрываясь, как она, словно дивное видение, медленно поднялась с ковра и встала напротив него.

Вера встряхнула головой, и волосы спрятали мягкие груди. Она снова запела, медленно, тягуче, каким-то отдалённым, мечтательным голосом. Громов смотрел на яркие губы, на стройные ноги и тёр свой лоб дрожащей рукой. Он никогда не думал, что женское тело может быть так пугающе красиво. Вера плавно вела ладонями по бёдрам, приближаясь к любовнику, а он ничего, кроме неё, не замечал, но понимал, прикажи она ему — он пойдёт, куда она скажет и сделает то, что она захочет. Сейчас её власть над ним была абсолютной. Вера, не отрываясь, смотрела на него.

Песня неожиданно оборвалась. Она, наконец, подошла к Савелию и обвила руками его шею. Он властно притянул её и повалил на ковёр, обжигая кусающими поцелуями. Между ласками он на мгновения отстранялся и пожирал её глазами, задыхаясь от желания обладать этой женщиной. Он ласкал её с яростной настойчивостью до тех пор, пока она не закричала. Потом она прильнула к нему, не в силах насытиться родным запахом его кожи, находя в этом

своё спасение. Вот ради чего он срывался из Жилыева и скакал во весь опор многие вёрсты. Вера помогала ему забыться. Никогда он не хотел её так, как сегодня.

Когда всё закончилось, они перебрались на постель, устроившись под лёгким тканёвым одеялом.

Вера наслаждалась и дорожила минутами после близости. Она снова подумала о том, как сильно любит этого человека. Приникнув к его плечу, она замерла, а Савелий, обнимая её, бережно гладил пальцами нежную, белую кожу. Он всякий раз удивлялся тому, как изголодался по её атласному телу, свежим губам и душистым волосам.

Женщина знала, что Савелий провёл ночь здесь, в Торжке, у Зотова. Она чувствовала, что он нуждается в ней. Умиротворённая и спокойная, она лежала в объятиях любимого мужчины, перебирая светлые завитки на его груди.

— Савва... — прошептала она, — мне так хорошо с тобой.

Громов поцеловал её и накрыл до подбородка одеялом. Несколько минут лежали молча, думая каждый о своём, потом он сел на край постели, одной рукой упёршись в перину, другой — растирая бороду по щеке, точно у него болели зубы.

— Всё хорошо, Саввушка? — тихо спросила Вера, вглядываясь в его затылок.

Он кивнул головой, медленно, с шумом, выдыхая носом воздух.

— Говорят, ты ночью у Зотова был? — Савелий не ответил. — Ох... Такое горе, не дай Бог никому.

Он не хотел говорить об этом с Верой, он приехал сюда забыться, и вот теперь воспоминания прошлой ночи снова всплыли у него перед глазами. Громов основанием ладони вытер глаз, в котором показалась слеза, помолчал немного, потом сказал:

— Ваньку при мне привезли. Гробик такой маленький...

Вера привстала, обернувшись одеялом, точно римской тогой, и села рядом с Савелием, осторожно обняв крепкое тело. Он прижал её ближе.

— Это очень правильно, что ты поехал к нему. Бедный Зотов... Всех троих разом.

Савелий снова потёр глаза.

— Он крепкий парень. Аграфена сказала, выдержит.

— Дай-то Бог...

Савелий внимательно заглянул Вере в лицо:

— А ты знала его?

— Нет, — Вера покачала головой. — Ульянку знала, а его — нет. Говорят, взбалмошный он, упрямый. Мужа Мавры Ильиничны недавно прибил крепко. Под руку попался.

— Н-да... Горяч парень, это правда. Молод ещё, пылок не в меру. Поживёт, пообтешется, спокойнее будет.

Вера с интересом посмотрела на Громова:

— А почему вы не ладите?... Как-никак соседи, одно дело делаете.

Савелий улыбнулся уголками губ:

— Да вот так как-то. Не получается с ним мира. Но мужик он основательный. Сила в нём есть, стержень крепкий.

Вера чуть повела плечами, и лёгкое одеяло соскользнуло, обнажив белизну её тела. Она прижалась лицом к его шее, и целуя крупные завитки волос, выдохнула ему прямо в кожу:

— Я люблю тебя, Саввушка...

Он повернулся к ней, заключая женщину в объятия. Растроганный её словами, поглаживая разгорячённое тело женщины, он сказал:

— Я тоже тебя люблю, Вера.

В который раз он почувствовал себя сильнее и умнее рядом с этой женщиной, такой прилежной и разумной хозяйкой, любящей матерью, и страстной необузданной валькирией, в

которую она превращалась наедине с ним. Огонёк страсти, разгоравшийся в глазах Громова, был для неё высшей наградой.

Она вновь обвила его шею, шепча на ухо:

— Как мне хорошо с тобой, Саввушка! Всякий раз сладко от твоих ласк. А в постель к мужу — как на Голгофу шла. Бывало, лежу и молюсь: только бы не трогал сегодня. А если грех у нас случался — до утра болью маялась. Голова чугуном наливалась, в висках молотило и тошнота подкатывала. И всё лежу и плачу до утра, жизнь свою проклиная. Помереть хотелось, так опостылел, проклятый...

Громов уложил Веру на постель, поглаживая её сочное тело:

— Вот оно, значит, как...

Она долго, с жадностью утешала его и ласкала. Никогда ещё Савелий не видел её такой ненасытной, не чувствовал так близко к себе.

После, опустошённые и усталые, они лежали на мягкой перине, думая каждый о своём. Потом задремали до сумерек.

* * *

Из раскрытого окна доносился вкусный запах яблок, укропа и огурцов. Из погреба тянуло сыроватым, приятным холодком, возле бани пищали мышата. Солнце быстро садилось за гору, и на серое небо уже выкатилась тяжёлая, точно литая из меди, луна. На том берегу Волги монастырский колокол ежечасно бросал в сумрак унылые, дрожащие звуки.

Вера проснулась первой. Пока Савелий спал на спине, закинув руку за голову, она, нахмутив тонкие брови и поджав губы, смотрела впереди себя на стену, словно та мешала видеть что-то важное, сокрытое за ней. Вся сила её мысли сосредотачивалась вокруг Савелия.

В такие минуты, лёжа в постели, особенно когда он так сладко спал подле неё, Вера любила выдумывать различные события: будто бы она дочь богатого купца или графа, и Савелий берёт её в жёны как равную. Или: вот начался в Жилиеве пожар, и не осталось от дома Громова и головёшки, он приходит в Торжок, и они начинают жить вместе. И он понимает, что, оказывается, его счастье заключено в ней.

Вера замечталась, погружаясь всё глубже в мир фантазий, где они с Савелием неразлучны, по телу разлилась приятная сладость, и она не заметила, как он проснулся. К реальности её вернула настойчивая ладонь, поглаживающая живот. Громов приподнялся на локте, внимательно изучая её лицо.

— О чём задумалась?

— Ни о чём, — прошептала она, пытаясь сбросить наваждение.

— А что не радостная? Брови нахмурила.

— Так...

— Скучно со мной?

Вера испуганно мотнула головой и порывисто уткнулась в его плечо.

— Что ты... Никогда мне с тобой не скучно.

— Ну, раз так — вели самовар ставить, — Савелий сел, и матрас под его весом натужно скрипнул. — Чаю напьюсь и поеду. Загостился я, Вера Андревна, а у меня дел полно.

Отужинав, они пили чай на улице, под резным навесом. Сверчки наполняли стрёкотом мглистый вечер, гудели жуки. Савелий дёргал пальцами мочку уха, не решаясь сказать Вере про поездку в Париж. Это решение окончательно вызрело в нём, укрепилось, и представлялось единственно верным, способным снова вернуть его к прежней жизни, без тягостных раздумий и противоречий, к жизни, где всё ещё возможна надежда на счастье, давно казавшееся Савелию далёким и недостижимым. В Париже он планировал осесть на несколько месяцев. Он знал, что Вера будет страдать, его отъезд разобьёт ей сердце, как бывало прежде, и оттягивал признание до той поры, когда дольше молчать уже будет нельзя.

Сухо покашливая, он смотрел в сторону калитки и вытягивал шею, точно кого-то ждал. Вера не сводила с него встревоженных глаз.

— Может останешься, под яблоней спать ляжем?

Громов покачал головой.

— Домой поеду.

— А что такое, почему? Неделю не видались, соскучилась я... — Вера взглянула на него с такой любовью, что у Савелия дрогнули нервы.

— С утра в конторе надо быть, — бросил он, цепляясь за привычное оправдание.

— Поспеешь.

— Выспаться хочу.

— А здесь что ж? — в голосе Веры промелькнула лёгкая обида.

— С тобой какой сон? Иди сюда, — он ласково улыбнулся и порывисто усадил женщину себе на колени. Её бледное, озаренное лунным светом лицо, оказалось совсем близко.

— Останься, Саввушка... — еле слышно выдохнула она ему в самые губы.

Он крепко обнял Веру, и они долго сидели так, пока звёзды не начали мигать на тёмно-синем небе. Громов прижался лицом к Вере, вдохнул её терпкий, ни с чем не сравнимый запах, и снова его захватило очарование от её поцелуев, от обращённого к нему лица, на котором светилась такая преданная любовь, что он взволновался в сердце своём.

— Останься, родной...

Савелий решил. Они вернулись в дом и легли...

— На следующей неделе в Париж поеду. Измаялся, устал...

Вера съёжилась под одеялом и плотнее придвинулась к нему.

— Надолго? — её голос был едва слышен.

— Не знаю. На месяц, на два, а может и поболее.

Вера хотела сказать: «А как же я? Как я стану жить, пока ты будешь гулять по чужой земле с тонкими незнакомками? Водить их по ресторациям, угощать диковинными блюдами? А возможно пригласишь одну из них разделить с тобой постель. И, пока ты будешь пить соки жизни на чужбине, не вспоминая меня, я стану считать дни, думая о тебе. Отсчитывать каждый час, каждую минуту, пока не прискачет Антипа, сказать, что ты вернулся и хочешь приехать ко мне, к твоей верной Вере. Мне плохо без тебя».

— Савва...

— Да, милая? — он повернулся к ней, и в полумраке его глаза казались глубокими колодцами.

— Я буду очень скучать.

Громов стиснул её в объятьях и ткнулся носом в тёплую ложбинку, вдыхая пьянящий аромат. Засыпая, он крепко прижал её к себе и пробормотал, проваливаясь в забытие:

— Милая моя Вера, хорошая моя, любимая...

* * *

За время их связи Савелий не раз уезжал за границу, но никогда не брал её с собой. Она бы в жизни не осмелилась просить его об этом. Женщина тихо страдала в его отсутствие и преданно ждала. Он — прекрасный, добрый, щедрый мужчина, которого ей, неведомо за какие заслуги, послал сам Бог, так думала Вера. Однако, он всегда держал её на расстоянии, не оставляя надежд на будущее.

Заботливый и надёжный, он был полной противоположностью её мужу. Веру сосватали в семнадцать лет; в восемнадцать она уже баюкала первенца — Наденьку. После родились ещё две девочки, но они были слишком слабы и прожили недолго. Когда же на свет появилась младшая, Полинька, Вера едва не отдала Богу душу. Тяжелая кровопотеря подточила её силы. Она уже приготовилась предстать перед Создателем, как вдруг внезапно силы вернулись в измученное двухдневными родами тело, и Вера начала медленно поправляться.

После первых родов муж берег её: она встала с постели лишь на третий день. Но после вторых и третьих сострадание испарилось. На следующее же утро Вера принималась за хозяйство, сама затапливала печь, а спустя пять дней выходила в поле. Не проходило и недели, как Николай вновь начинал жить с женой, не давая несчастной оправиться после разрешения от бремени. «Вера, иди-ка сюда!» — и весь сказ. Попробуй возрази – враз по шее получишь.

Николай нередко побивал жену. Не нравилось ему, что она притягивает мужиков, как магнитом. Много раз в поле наблюдал он, как торжсковские ухари масляными глазами бесстыдно щупают его супругу. Он бил её смертным боем. Но Вера никогда не уклонялась от ударов, только острый режущий блеск серых глаз каждый раз отрезвлял его, и он опускал кулаки, не понимая, за что так сильно поколотил жену.

После рождения Полины муж загулял с кривой Анфиской, а через два года бросил Веру совсем, устав от жгучей ревности и от самого себя.

* * *

На следующий день, сидя под навесом, Громов пыхтел трубкой и с наслаждением смотрел, как Вера суетится возле стола. В лучах утреннего солнца её светлые волосы сияли точно нимб — она была похожа на ангела.

Вскоре перед ним выросла целая гора лакомств: печёный окорок, телятина и ворох пирогов с разными начинками. Вера готовилась к приезду любимого и вместе с кухаркой стряпала вкусности, стараясь сделать так, чтобы ему хотелось возвращаться сюда снова и снова.

— Когда уезжаешь? — Вера сидела напротив и жевала кусок пирога, глядя в тёплые ласковые глаза Громова.

— На следующей неделе.

— Приедешь завтра к Зотову на похороны?

Савелий ответил не сразу. Сейчас ему не хотелось думать о грустном. Он ощущал новый прилив сил и был поглощён мыслью о предстоящем путешествии.

— Не знаю.... Посмотрим.

— К Покрову вернёшься?

— Может и раньше. Сразу Антипу пришлю сказать тебе.

— Что-то на сердце у меня тревожно, Саввушка...

— С чего бы это? — улыбнулся Савелий, поднося к губам чашку чая.

— Не знаю. Предчувствие нехорошее, кажется, будто не увидимся больше.

— Вера, — засмеялся Громов, — у тебя каждый раз, когда я уезжаю, такие предчувствия. Она печально улыбнулась:

— На всё воля Божья.

Он не чувствовал острой боли её сердца от грядущей разлуки, лишь смутно угадывая тоску в испуганных глазах. Прохладная утренняя свежесть охватила его, он с наслаждением ел. Всё в это утро казалось ему необыкновенно привлекательным. И пироги, и чай с вареньем, и мясо никогда ещё не были так вкусны. Никогда табак так хорошо не пахнул.

Насытившись, Савелий отставил чашку, обошел стол и встал позади Веры. Его большая ладонь бесцеремонно скользнула в вырез платья, сминая тяжёлую грудь. Он наклонился и, не слушая её слабых протестов, подхватил женщину на руки. Вера смотрела в замутнённые страстью глаза и чувствовала, как по телу пробегает приятная дрожь.

Он отнёс её в дом, уложил на диван и бережно расстегнул платье, обнажив аппетитное, ядрёное тело. Женщина со стоном откинула голову, подаваясь навстречу его ласке. Занимался день.

* * *

Вера, стоя на крыльце, провожала Громова, утирая платочком мокрые от слёз глаза. Савелий уезжал в густеющие сумерки. Он чувствовал себя обновлённым, отдохнувшим и душой, и телом, согретым умелыми ласками любовницы. Прощаясь, она прижалась к нему всем телом и

прошептала «Не уезжай...». Он закрыл ей рот поцелуем и поворотил Князя в Жилиево. Громов возвращался сытым и счастливым. Вера, как всегда, сослужила ему добрую службу. Он обязательно привезёт ей из Парижа что-нибудь стоящее.

Сидя в седле, Савелий насвистывал весёлый мотив, пребывая в отличном расположении духа, и только мысль о завтрашних похоронах отравляла его настроение. Не поехать туда он не мог. Простое человеческое участие и горняцкое братство обязывали разделить этот путь с Зотовым до конца.

Аграфены дома не было, наверное, умчалась в Самару, сватать... Раз до сих пор не вернулась, значит, явится только завтра.

Савелий поднялся в свою комнату, на ходу стягивая рубашку. Терпкий аромат Веры, пропитавший его кожу, кружил голову. Он заснул мгновенно, с лёгкой, мальчишеской улыбкой на губах.

* * *

Похороны проходили торжественно. Траурная колесница, на которой покоились три гроба, плыла под белым парчовым балдахинном, мерцая огоньками лампад. Шестёрка лошадей, запряженных цугом, мерно вышагивала в белых сетках с тяжелыми кистями. Вели их под уздцы люди из похоронного бюро Шумилова — того самого, чья чёрная вывеска с золотыми буквами настырно лезла в глаза каждому, кто въезжал в Самару.

Впереди процессии катилась двуколка, гружёная ельником. Человек, идущий следом, разбрасывал колючие ветки, выстилал зеленью последний путь усопших.

За колесницей шел Зотов. Он повязал могучую шею галстуком, и на его строгом лице застыла такая скорбь, что, глядя на него, бабы жмурили глаза и сдавленно рыдали, а мужики размашисто крестились, испытывая глубокое сострадание к его горю. Рядом с Зотовым шли родственники — женщины в траурных платьях и мужчины с чёрными креповыми повязками на руках. Позади толпы тянулась вереница порожних экипажей, чтобы развезти публику с погоста.

В этот день штольни замолкли. Торжок погрузился в траур. Кладбищенские ворота, распахнутые с раннего утра, ожидали процессию. Громов шёл позади Зотова, неотрывно глядя на могучий затылок, посеребрённый за два дня белыми нитями.

Двое подмастерьев из похоронного бюро стояли в воротах кладбища, рассыпаясь в услужливых поклонах перед толпой. Савелию показались знакомыми их тупые лица. Не они ли стояли в воротах жилиевского кладбища, когда он хоронил отца? Громов хорошо знал эту породу. Все они: гробовщики, приказчики, подмастерья и бабы, обмывающие покойников, вечно живут во хмелю, в слепом, безотчётном столбняке. Чужое горе для этой братии — предмет наживы, счастливого случая, которым они пользуются, чтобы сорвать барыш, демонстрируя неприкрытый цинизм ко всему святому и дорогому. Перед скорбящими они искусно тянули сочувствующие интонации, тупили взоры и понижали голос до проникновенного шёпота, изображая благоговение перед памятью усопшего, но стоило им остаться наедине, как как притворство сменялось циничным зубоскальством, сальными остротами над неостывшим телом и глумлением над обезумевшей от боли роднёй.

После тяжёлого прощания с покойными поехали на поминальный обед в «Асторию». Блеск золочёных вензелей и вышколенные лакеи у дверей встречали процессию привычным, заученным почтением. Здесь, в лучшем ресторане Самары, всё было готово к поминкам.

По углам зала темнели туи в кадках, кипарисы, специально привезённые для такого случая. Туберозы, иммортели, лилии в широких мраморных вазонах источали приторный, похоронный запах.

Поминальщики заняли места за длинным, уходящим в полумрак залы столом. Слева от Савелия сидели священник и дьякон, отпевавшие покойных. Перед началом трапезы иерей

поднялся, призвал публику к тишине, прочитал молитву, вливая в слова затаённую тоску, и благословил трапезу, после чего гости потянулись к кутье, съедая по ритуальной ложке.

Выпивали и закусывали сначала чинно, потом пошумнее, — по мере того как хмель разбирал обедающих. Подавали постное: стерляжью уху, блины с тугими начинками и рыбные котлеты с рассыпчатой кашей.

Сквозь высокие окна «Астории» Громов видел, как солнце равнодушно и благостно сияет в зените.

Зотов сидел рядом с матерью и сёстрами, прибывшими из Пензы. Мать его, сухонькая женщина лет шестидесяти с властным надменным лицом, разговаривала неуместно громко. Дочери пшикали на неё. Она вертела головой в разные стороны, и удивлённо таращила совиные глаза на окружающих, словно не понимала, как и зачем они здесь. Будучи натурой суетливой и неуёмной, эта женщина вызвалась хлопотать насчёт похорон, однако её забота обернулась безобразной суматохой. Она слишком часто гоняла лошадей в город, отдавала противоречивые распоряжения о порядке погребения и поминках, поминутно вбегала в комнаты и тормозила сына, совершенно не считаясь с его чувствами. Вела себя в высшей степени несообразно трагическим обстоятельствам, упрямо не обращая внимания на замечания родственников и близких семье.

Громов одним из первых поднялся из-за стола, подошёл к Зотову, тепло попрощался и, не мешкая, укатил в Жилиево.

Вернувшись домой, он долго сидел за столом, не зажигая огня, и наблюдал, как последние лучи солнца медленно гаснут в застоявшемся воздухе гостиной. Недошитый рушник Акулины неведомо как оказался в его руках. Пальцы машинально поглаживали неровные стежки, сделанные женщиной, которой давно нет на свете. Громов поднялся, подошел к дубовому комоду и, отодвинув ящик, бережно уложил полотно на самое дно. Сверху он накрыл его плотной тканью. Хватит. Ему нужен другой мир, где не пахнет ладаном и сырой землей.

А ещё через несколько дней, Савелий Петрович Громов, первый богач губернии, жилиевский камнетёс, удивительной силы и красоты мужчина попрощался со своей тётушкой Аграфеной возле ворот и сел в открытую коляску, запряжённую парой превосходных скакунов.

Старуха долго крестила его сухими пергаментными пальцами, тяжело и часто вздыхала, с трудом сдерживая подступающие слезы.

— Дай поцалую! Ну... с Богом!

Савелий стиснул её в медвежьих объятьях, троекратно облобызал и отбыл в направлении пристани. Там он сядет на пароход до Царицына, потом на перекладных до Москвы, а уж оттуда — на курьерском поезде прямехонько в Париж.

Колесо судьбы сделало первый оборот.

Андрей

Савелий достал из кожаного саквояжа сигару. Спустя мгновение над коляской поплыли кольца густого сизого дыма, растворяясь в прозрачном воздухе. На козлах сидел Андрей. Лошади бежали спокойной рысью, подстёгиваемые уверенной рукой кучера. Громов прикрыл глаза, лениво раздумывая: не задержаться ли в Москве на денёк-другой? Пока он прикидывал маршрут, Андрей украдкой бросал на хозяина взгляды, полные восхищения. Он искренне недоумевал, как Громову удаётся оставаться таким опрятным, даже щеголеватым несмотря на то, что он наравне с забойщиками трудится в поте лица, машет молотом и глотает едкую каменную пыль.

— Савелий Петрович?.. — Андрей решился нарушить молчание, когда позади осталась добрая половина пути.

— Чего тебе? — Громов бросил на кучера дружелюбный взгляд, выбросил окурок и, легко перемахнув через сиденье, устроился на козлах рядом с Андреем.

— А мой мальчонка на ваших штольнях приставлен, может, видали? Провористый такой, шустрый, в картузике мышинном?

— Видал, — кивнул Громов, вглядываясь в горизонт. — Он у Антипы определён, с поручениями бегаёт.

— Да, точно! — обрадованно воскликнул Андрей. — Я вот чего... спросить вас хотел... — кучер внезапно осекся, испугавшись собственной дерзости.

— Спрашивай, — добродушно разрешил Громов.

— Вы, Савелий Петрович, не подумайте чего, он у меня умный мальчишка-то. До страсти умный! — затараторил Андрей, поощрённый добродушием хозяина. — Книжку, бывало, возьмёт, что Аграфена Ильинична изволили ему дать и читает сутки напролёт. А потом палец в ей защежит и ходит по двору, так важно, что иной раз кажется, профессором будет.

Савелий живо представил себе этого мальчонку. Высокий, нескладный, будто наскоро собранный из длинных костей, Пашка действительно был сообразительным пареньком. Он с полуслова понимал Антипу и бегал с поручениями с одной штольни на другую, общаясь с горняками на равных.

— Я ведь как думал, — продолжал кучер, понукая лошадей, — определю его к вам, пусть его потужит, поработает. А он говорит, хочу, когда вырасту лавку кожевенную открыть или платье готовое продавать. Баринном, стало быть, метит заделаться. А намедни сам к вам хотел идти, проситься в контору. Давеча сказал: на Поповой горе мне делать нечего, там и без меня могут обойтись, а вот ежели б к хозяину в контору попасть, так у него можно много чему поучиться. Смышлёный, стервец, весь в мать пошёл! Может, вы, Савелий Петрович, пристроите его к себе. В конторку-то?

Савелий улыбнулся в усы. Ему нравился паренёк, надо будет что-нибудь для него придумать.

— Сколько лет парню? — спросил Савелий, глядя, как копыта лошадей мерно вбивают пыль в дорожное полотно.

— Да вот, недавно пятнадцать исполнилось, — охотно отозвался Андрей.

— Говоришь, в контору просится?

— Извиняюсь, Савелий Петрович, да... просится.

Савелий вспомнил себя в возрасте Пашки. Он часто ездил с отцом в Самару на громовский мыловаренный завод, и смотрел, как разухабистые бабы-штамповщицы, одетые в кумачовые кофты, грудастые, с дерзкими глазами, непристойно смотрели на него и хихикали, когда отец не видал. О том, чтобы ему самому встать к станку или на разработки, не могло быть и речи. Пётр не желал, чтобы единственный сын гнул спину наравне с простыми рабочими, ему

дозволялось лишь вникать в суть сделок и сопровождать отца в деловых поездках, не более того.

— Посмотрим, — сказал Савелий. — Подумаем что-нибудь.

Андрей на мгновение ослабил вожжи, и в глазах его, привыкших шуриться от дорожной пыли, блеснула искренняя, почти детская радость.

— Благодарствуйте, Савелий Петрович! Век не забуду, и Пашка до гроба вам обязан будет.

Возница перекрестился на мелькнувшие вдали купола и добавил тише:

— Вы уж его... не жалейте, коли лениться станет... Дай вам Бог, Савелий Петрович, и в Парижах этих здравия, и чтоб назад поскорее, к нам... к своей земле воротились. Вы уж, батюшка, покройте глупую смелость мою своей лаской-милостью. Хороший парень у меня. Способливый!..

Громов любил детей, ему хотелось помочь мальчику найти дело по душе, понять себя. Он вспомнил Вериных девчонок. Миловидные, румяные, с такими же русыми волосами, как у матери, они вызывали в нём смешанные чувства: с одной стороны, их хотелось оберегать, жалеть и всячески баловать, а с другой — он понимал, что никогда не сможет относиться к ним, как к родным. Он не был рядом, когда они болели, не воспитывал их, не шлёпал за проказы, да и видел не часто, несколько раз в месяц.

Савелий посмотрел на Андрея, мерно покачивавшегося на козлах:

— Сколько детей у тебя?

Савелий помнил, как тот явился в Жилиево много лет назад с бойкой, крикливой женой. Через два года она загуляла с молодым горняком, Андрей стал бить её и вогнал в чахотку, и скоро она умерла.

— Трое, две девчушки ещё.

— Тяжело? Одному-то?

— Не жалуемся, — Андрей цокнул языком, пуская лошадей резвым аллюром. — Вот Павлушку бы только к делу пристроить, а там... Сдюжим.

— А что жену не сыскал?

Андрей коротко усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги.

— А на что она мне? Все они или дуры или гуляки беспутные. — Разум его был прост и бесхитростен; он не умел скрыть того, о чём при хозяине следовало помалкивать. — Мою-то бабу Бог прибрал, так, стало быть, дальше бобылём пойду. И не нужны они мне, ну их... морока одна.

Савелий только головой покачал от удивления и, улыбаясь в бороду, поучительно заметил:

— Ну нет, брат. Здесь ты шалишь... Достойная женщина — подарок судьбы!

Андрей смачно сплюнул на пыльную дорогу.

— Дуры они. Все как ни на есть.

Громов рассмеялся:

— Поверь, не все! Далеко не все.

Он достал из сюртука сигару и закурил, продолжая посмеиваться. Дур он повидал не мало, но умных женщин гораздо больше. Савелия всегда восхищала особая черта женского характера — мнимая беззащитность и притворная простота, за которыми прятался острый ум.

Ему нравилась эта извечная игра полов, когда закипает кровь, когда включаешься в игру и постепенно тобой овладевает желание, такое нестерпимое по силе, которое испытывает фавн, настигающий нимфу. Вот только Вера никогда не играла. Он видел её насквозь и знал наперёд то, что она скажет в следующую секунду. Поэтому он брал только её тело, не заботясь об остальном. Громов не ломал голову над её настроением, оно всегда ровное. Никаких тайн, которые так нравятся мужчинам. А в последнее время ему хотелось сложности. «Уж не при-

знак ли это приближающейся старости?» — с горькой усмешкой подумал он, выпуская струю дыма в набегающий ветер.

* * *

Проехали порядочно. По расчётам Савелия, через полчаса они должны добраться до переправы. Каждый раз, когда он покидал родные земли, у него от тоски сжималось сердце. Он обернулся и постарался запечатлеть в памяти цветущий холм неподалёку от дороги. Охваченный красотой момента, он обернулся к Андрею:

— А землю свою любишь? Край свой?

Андрей мягко посмотрел в глаза Савелию и спокойно ответил:

— А как же? Всё из неё вышло, в ней и сокроется. Она нас кормит, в неё мы и уйдём, и в прах обратимся.

Похоже, Андрей не понял, что имел в виду хозяин. Он сказал, как знал, как чувствовал, и вообще, он решил до конца пути на всякий случай помалкивать, потому что и так дерзнул просить за сына, и теперь опасался, что Савелий Петрович передумает, слушая его неказистые речи.

Сам Громов хорошо запомнил, как отец в детстве, бывало, посадит его на плечи, кружит и приговаривает: «Смотри, Савка... Твоё всё! Твоё, сынок!... Вырастешь – береги это! Родному краю – процветать!». Он будто наяву представил голос отца, зычный, трубный, властный. Пётр сам любил землю и сына приучал с малых лет видеть в ней не только средство обогащения, но и мать кормящую, неодолимую, богатую соками и недрами. Савелий помнил, как отец приходил вечерить под окна его спальни, где росли густые кусты сирени; он подолгу сидел на лавке, уперев руки в колена, и вглядывался в чёрную землю, мать-кормилицу, так безотчётно им любимую.

Отец прожил хорошую, насыщенную жизнь. Прожил не зря. Став продолжателем его дела, Савелий расширял и улучшал то, что досталось в наследство, пополняя амбары отменным зерном, склады – отменным камнем, торговые лавки – превосходным мылом. При этом он и сам наполнялся трепетной любовью к земле, дарующей ему удивительную силу духа, наделяя всё его естество чувством благодарности – живительной водой для благородного сердца.

Впереди, на противоположном берегу, замаячила пристань. Путь к ней лежал через плашкоутный⁵ мост. Стоило тяжелому обозу въехать на доски, как мост с одного конца уходил в воду, а с другого — угрожающе приподнимался, поэтому каждая переправа превращалась в битву с криками и забористой бранью. Те, у кого не было денег на проезд, подчас сутками томились на берегу, дожидаясь своей очереди.

Проезжая по мосту, Савелий вглядывался в самарский берег — на той стороне растянулась длинная цепь пузатых амбаров. Некоторые из них принадлежат ему. Во время зимнего подвоза, хлеб прямо с возов сыпался сверху в прохладные недра амбаров, ожидая весенней погрузки на баржи. Савелий выводил на Волгу баржи тотчас по окончании ледохода. Как только по реке прошёл крупный лед, на пристани начиналась кипучая работа по погрузке зерна. Тысячи рабочих, стекавшихся из окрестных сел, чёрными муравьями облепляли берег, наполняя трюмы золотом урожая.

Левее амбаров раскинулся Вшивый базар. Громов скользнул взглядом по грязным фасадам кабаков с крикливыми вывесками и лавчонкам, торговавшим разным хламом. Когда погрузка хлеба выпадает на Пасху, площадь перед базаром бурлит: народ толпится у балаганов и каруселей, повсюду стоит невообразимый гвалт. Сейчас там было непривычно тихо, только парочка нищих бродила около огромного деревянного креста, который иногда ставят в центре

⁵ **Плашкоутный мост** — наплавной (понтонный) мост, опорами для которого служат плашкоуты (плоскодонные барки-лодки). В дореволюционной Самаре такой деревянный мост через реку Самарку связывал город с заволжскими трактами.

Вшивой площади, в знак того, что бесприютный рабочий люд не совсем позабыт своими старшими и богатыми братьями.

Правее амбаров тянулась деловая Самара. Побережье здесь занимали кожевенные, салотопенные и мыловаренные заводы; дымили кирпичные печи. А прямо перед ними, почти у самой кромки воды, высились особняки тех немногих богачей, кто рискнул разбить сады в промышленном пекле, отгораживаясь зеленью от копоты собственных заводов.

По обеим сторонам пристани стояли мельницы из красного кирпича. Они, словно пропилеи, встречали путников, прибывающих в Самару через плашкоутный мост.

Переправившись, коляска выкатилась на самарский берег, и Савелия обдало знакомым шумом речного причала: ржание лошадей, надрывные крики грузчиков, лязг цепей и запах угольного дыма, смешанного с речной прохладой.

Андрей осадил коней у дебаркадера, возле которого, окутанный белым паром, замер красавец-пароход «Николай I». Огромные гребные колёса по бокам судна нетерпеливо взбивали мутную прибрежную воду.

Савелий спрыгнул с козел и принял из рук Андрея кожаный саквояж. До отплытия оставалось около часа.

Оставив возницу дожидаться во внутреннем дворике, Савелий вошёл внутрь дебаркадера.

Деревянная, выкрашенная в густой зелёный цвет плавучая пристань славилась своим рестораном, где всегда можно было полакомиться копчёной белорыбцей. Громов заказал мозги с горошком, вяленый балык из сига, страсбургский пирог и сочную ветчину.

В углу обеденного зала одиноко замер механический орган. Сейчас в нём не было надобности — на импровизированной сцене лихо отплясывал немолодой артист, веселя публику разухабистыми куплетами. Он подыгрывал себе на гармонике и, залихватски подмигивая, пел:

Если ты хорошо любишь жить,

И имеешь костюм нарядный,

В ресторан можешь смело входить —

Перворазря-адный...

А заложите если пиджак,

И цилиндр потускнеет парадный,

Заходи в ресторан, как никак —

Второразря-адный...

Савелий ел с аппетитом и от души смеялся. Он оделил артиста приличными чаевыми и с чувством полного удовлетворения, вышел на улицу.

Андрей во внутреннем дворике чистил лошадей, потчuya их яблоками. Громов тепло попрощался с ним. Кучер стянул картуз, и замигал влажными глазами:

— Счастливого пути, Савелий Петрович! Берегите себя в Парижах! Говорят, там народ больно хитрый.

Громов похлопал его по плечу, забрал из коляски багаж и зашагал к трапу. Как только он ступил на палубу, пароход дал протяжный гудок. Савелий шагнул к поручням и взглянул на удаляющийся берег. Андрей махал рыжей, мятой шапкой вслед хозяину и робко покрикивал:

— Прощайте, Савель Петрович! Про Пашку не забудьте... Про Пашку маво...

«Прощай, простота», — подумал Громов, затягиваясь сигарой.

Потянулась мерная череда рассветов над речными плёсами и пылающих закатов. Теперь время измерялось вёрстами, оставшимися до Царицына, где через несколько дней пароход бросит якорь.

* * *

Облокотясь на лакированные перила, Савелий смотрел на длинный песчаный мыс, образованный на слиянии Самарки и Волги. Здесь лениво раскинулись конторы-пристани самарских богачей Константинова и Полетаева, державших в своих руках львиную долю грузоперевозок. Громов хорошо знал обоих, а Иван Константинов, почётный гражданин города, был близким другом отца. Савелий читал пестрые вывески пароходств: «По Волге», «Кавказ и Меркурий», «Буксиры Шихобалова»...

Вот проплыли мимо соляных лабазов, принадлежавших старому купцу-миллионщику Елизарову.

— Эх и плут ты, Еремей Агафоныч, — усмехнулся в бороду Савелий, вспоминая гулянки у Елизарова. Тот умел сорить золотом с азиатским размахом.

В его особняке «Белая лилия» раз в неделю устраивались знаменитые в узких кругах «коринфские ночи» с заморскими винами и обнажёнными артистками. Громов бывал там пару раз, больше из любопытства, чем от нужды.

Этот крёз Елизаров несколько лет назад завёл любовницу-француженку, на которую тратил по сто тысяч в месяц, в то время как пятьдесят копеек за один трудовой день считалась очень хорошей платой для рабочего. Родственники магната, напуганные безрассудными тратами, добились над ним опеки, которую ему удалось снять только через год. Но уж потом-то он развернулся во всю!

Мимо бортов парохода проплывала прибрежная слободка, поросшая осокорями и тополями. Там ютились соляные конторы и квартирки мелких служащих. Рядом притулились лавки торговцев смолой и дёгтем; тянулся щепной ряд, шумела конская ярмарка и кособокие «чайные» для босяков, где за очень умеренную плату можно было угоститься чаем или сивухой.

Громов с сожалением отметил, что лучшая часть Самары, прилегающая к Волге, превратилась в беспорядочное нагромождение построек, отрезавших горожан от реки. Весь прибрежный край был занят складами, лесопилками и мелкими амбарами — берег никак не был связан с городом.

На холмах, позади пристаней, мелькали уютные особняки самарских богачей с аккуратными огородами и тенистыми садами. Они мало чем отличались от его собственного дома в Жилиево. Разница заключалась лишь в том, что в пустом доме Громова обитал холостяк, и это чувствовалось, несмотря на старания тётки; в то время как здесь, на холмах, хозяйничали хлопотливые жёны и матери, заботившиеся о вкусных обедах и цветущих палисадниках.

Особняки выглядели внушительно, и Савелий с удовольствием разглядывал дома, раздумывая о жизни их обитателей. Он знал многих зажиточных самарцев, а они знали его, но в отличие от них, Громов чувствовал себя затворником. Так оно и было: городская жизнь его мало интересовала, работа была для него превыше всего, поэтому он не хотел переезжать в город, оставаясь ближе к своим известнякам и полям. Он лишь изредка проверял дела на мыловаренном заводе да несколько раз в год по весне следил, как баржи нагружались зерном из его самарских лабазов.

Савелий плотнее прислонился к поручням верхней палубы, жадно вдыхая свежий речной ветер. Самара за кормой уже превратилась в тонкую, тающую полоску, лишь золочёные главы Иверского монастыря ещё вспыхивали в свете заходящего солнца.

В нескольких шагах от него, в плетеном кресле устроился господин неопределённого возраста. Он был облачен в лёгкую клетчатую крылатку, а на его коленях покоилась развернутая газета с витиеватым шрифтом — «Le Figaro». Господин не читал; он задумчиво вертел в

пальцах пенсне и рассматривал берег с видом человека, который видел в этой жизни слишком много, чтобы удивляться.

Громов задержал на нем взгляд. Тот, почувствовав внимание, обернулся. Лицо незнакомца было узким, с холеными усиками и умными, чуть усталыми глазами.

— Ускользящая натура, не правда ли? — произнес он на чистейшем русском, но с едва уловимой певучестью, свойственной людям, долго жившим за границей. — Россия лучше всего смотрится с кормы уходящего судна.

Савелий чуть нахмурился.

— Для кого-то, может, и ускользящая, — сухо отозвался он, — а для меня она — мать-кормилица.

Незнакомец тонко улыбнулся и, легко поднялся с кресла. Движением, полным небрежного изящества, он стянул с правой руки белую лайковую перчатку и протянул ладонь Громову:

— Платон Сергеич Оболенский, отставной атташе при нашей миссии в Турине. А ныне — просто путешественник, возвращающийся к парижским каштанам. — Савелий пожал узкую ладонь своей пятерней, стараясь не раздавить пальцы дипломата. — А вы, я полагаю, из тех, кто эту землю держит на своих плечах? Уж больно хватка у вас... монументальная.

— Громов. Савелий Петрович. Владелец каменоломен из Жилиево.

— О! — Оболенский оживился. — Тот самый «каменный король»? Слышал, слышал. Вашими плитами в Берлине дороги мостят. Забавно... вы их рубите там, в глуши, а по ним ходят господа в цилиндрах, не подозревая, что под их подошвами — мощь Жигулёвских гор, прирученная вашей рукой.

— А я вот решил посмотреть, куда мой камень уходит, — Савелий глубоко затянулся, и кончик сигары ярко вспыхнул в наступающих сумерках. — Не только Берлин, но и Парижские бульвары на моём известняке стоят. Жилиевский бут там в фундаменты заложен, моим камнем берега Сены одеты. Выходит, я полжизни на Париж работал, гору по кусочкам туда отправил. Вот и еду поглядеть на результат. Тоже, так сказать, поближе к каштанам.

— В добрый час, Савелий Петрович! — дипломат едва слышно хлопнул в ладоши. — Париж сейчас в лихорадке, как раз поспеете к Выставке. Скажу вам — это нечто за гранью воображения! Инженеры соревнуются с богами: металл, стекло, гидравлика. Говорят, Наполеон III лично курирует павильоны, желая показать миру триумф новой эры.

Громов кивнул, и в его взгляде прорезался интерес:

— Газеты только об этом и трубят. Прогресс, дескать, и новые технологии. Хочу своими глазами взглянуть, как они там с камнем и сталью управляются. Может, и для Жилиева чего подсмотрю — негоже нам на дедовских кирках сидеть, когда в мире такие чудеса творятся.

Савелий достал портсигар, предлагая собеседнику угоститься. Оболенский едва заметно кивнул, раскурил от спички, подставленной Савелием, и пустил дым в сторону удаляющегося берега.

— Вы и впрямь намерены посвятить всё парижское время изучению новых технологий? — хитро улыбнулся Оболенский, глядя на кончик тлеющей сигары. — Это было бы непростительным расточительством, Громов. В конце концов, Париж создан для того, чтобы с лёгким сердцем тратить заработанное. Должен сказать, это город-искушение. Воздух там пропитан духами и грехом в равных пропорциях, — дипломат прищурился, глядя на мощную фигуру Громова. — Но будьте осторожны. Париж любит таких, как вы — пахнущих силой и деньгами.

Он чуть понизил голос:

— Знал я одного вашего брата, уральского заводчика. Приехал он в «Морни» — такое заведение, где шампанское льется из фонтанов, а дамы... скажем так, носят на себе меньше шёлка, чем пошло на ваш галстук. Так вот, одна рыжеволосая нимфа по имени Клодин нашептала ему, что её предки были королями Наварры, а сама она — принцесса в изгнании. Наш гигант расчувствовался, скупил для неё половину ювелирных лавок Вандомской площади, а

через неделю застал её в объятиях нищего художника из Латинского квартала. Знаете, что она ему сказала? «Ваши бриллианты прекрасны, мсье, но они не способны разогнать скуку, которую я испытываю рядом с вами».

— И что же тот заводчик? — спросил Савелий.

— Вызвал художника на дуэль, — Оболенский пожал плечами. — Но тот отказался, заявив, что его «единственное оружие — кисть, и он уже обессмертил Клодин, а заводчик лишь оплатил холст». В Париже, дорогой Громов, всё — театр. Там даже любовь имеет сценарий, и упаси вас Бог играть в ней роль честного человека.

Громов затаился, чувствуя странное волнение. Ему было и противно, и до смерти любопытно: неужели женщина может быть настолько коварной и в то же время притягательной, что ради неё не жалко бросить к ногам целое состояние?

— А вы, Платон Сергеич, — Савелий посмотрел на дипломата в упор, — тоже там... в театре этом участвовали?

Оболенский рассмеялся, обнажив ровные белые зубы.

— Я был декоратором, мой друг. Но поверьте, смотреть из ложи куда безопаснее, чем стоять на сцене под софитами. Впрочем, — он вновь скользнул взглядом по фигуре Савелия, — таким, как вы, ложа не полагается. Вы — герой первого плана. Главное, чтобы пьеса не оказалась трагедией.

Громов долго стоял, глядя, как паровозные колеса перемалывают речную гладь. Что-то было в истории о рыжеволосой Клодин, что прочно запало ему в душу.

До сих пор его жизнь складывалась по чётким правилам: стук молотков, бесконечные подряды, воскресный колокольный звон да сонные будни в Жилиево. Всё в его заволжской империи было взвешено, сочтено и предопределено на десятилетия вперёд. И Вера была частью заведенного порядка — преданная и неизменная, предсказуемая, как смена времён года. От этого Громов ощущал некую тесноту. Его натура требовала более строптивого материала. Ему захотелось столкнуться с женщиной, чей интеллект и воля соразмерны его собственной силе. За право обладания драгоценным трофеем он готов заплатить по самому высокому счёту.

Он жаждал вызова, не подозревая, что за кажущейся сложностью может скрываться пустота совершенного в своем эгоизме создания.

Когда далеко позади осталась белая колокольная монастыря, Савелий ушёл в каюту и до ужина, не поднимая головы, трудился над бумагами. Нужно было закончить план новой школы.

Но сначала он щёлкнул замками саквояжа и среди кипы запасных сорочек нащупал небольшую коробочку, обтянутую потёртым бархатом. Внутри лежал золотой медальон на массивной цепи.

Громов нажал на потайную пружинку. Под стеклом, в овальной рамке, покоился дагеротип — единственный портрет Акулины. Снимок был сделан за год до её смерти в лучшем ателье Самары. Мастеру удалось поймать взгляд, который Савелий помнил до сих пор: покорный, чуть испуганный, обращённый внутрь себя. На портрете она казалась ещё более хрупкой и прозрачной, чем при жизни. На другой стороне медальона под вторым стеклом лежала аккуратно срезанная прядь её черных, как смоль, волос.

Савелий долго смотрел на изображение, и странное чувство шевельнулось в груди. Десять лет он брал медальон в каждую поездку, как оберег. Но сегодня он поймал себя на мысли, что больше не нуждается в нём.

* * *

Ближе к вечеру, взглянув на часы, Савелий с наслаждением потянулся и подумал о предстоящем ужине. Он переменял сорочку и направился в салон первого класса.

В зале лакеи зажигали масляные лампы. Слышался смех, звон хрусталя и приглушенные звуки рояля. Внушительная фигура Громова заставляла дам за соседними столиками замирать и бросать на него долгие, изучающие взгляды.

На ужин подавали щи из свежей капусты, к ним — кулебяку с мясной начинкой и разварные грибы, на «второе» — студень, рубленые котлеты со шпинатом, а на десерт — варенье из белого крыжовника.

Соседкой по столу оказалась молодая женщина лет двадцати пяти с тремя детьми и няней. Разговорились. Ольга Дмитриевна, потомственная москвичка, гостила в Самаре у сестры и теперь в окружении своего семейства возвращалась домой. Её стройную фигуру выгодно подчёркивал изысканный дорожный туалет оттенка майской липы. Женщина манерничала и много о себе думала. Её рассказы касались, в основном, модных московских гостиных, где они с супругом коротали вечера. Она намекала на легионы обожателей, которые не давали ей прохода, осыпая цветами и безделушками и доставляя бедному мужу немало мучительных минут. Её рапирало от непомерного самодовольства.

Ольга Дмитриевна, несмотря на то, что давно вышла из поры девичества, усердно пережекала свою речь жеманными словечками: «он был такой шарман», «пусть теперь попляшет», «такая женщина, как я, не для него»...

На её белокурой головке красовалась затейливая высокая причёска, а два специально выпущенных вдоль лица локон придávalи её миловидным чертам совсем уж кукольный вид. Широко распахнутые голубые глаза, идеальные дуги бровей и капризно надутые губы с первого взгляда сбивали с толку. Но стоило даме раскрыть рот, как очарование нежного образа сразу улетучивалось.

Она щебетала без умолку и строила Савелию глазки, намереваясь пополнить им ряды своих поклонников. Однако он остался безучастным к попыткам втянуть себя в дешёвую игру, и до конца ужина сохранял беспристрастное лицо, чем жестоко уязвил самолюбие женщины. Когда она поняла, что Громов не собирается падать к её ногам, она наградила его презрительным взглядом, и сохраняла молчание до конца ужина.

Савелий решил больше не искушать судьбу и оставшиеся дни пути заказывал еду в каюту, не желая более встречаться с Ольгой Дмитриевной.

Ни отставного атташе, ни манерную москвичку с кукольными локонами он больше никогда не встречал. Они остались мимолетными теньями, случайными попутчиками, чьи голоса вскоре окончательно заглушил пронзительный свист паровоза на пристани в Царицыне.

* * *

По пути из Царицына в Москву, меняя лошадей и экипажи, Савелий всё чаще вспоминал Веру. Он чувствовал себя непривычно одиноким, и первым делом, по приезду в Первопрестольную, посетил публичный дом, в котором ему нравилась одна красotka. Он бывал в Москве три-четыре раза в год и иногда заходил к Полине, которая до смешного дорого ему стоила. Скрытая, дерзкая, лукавая — она виртуозно манкировала неприкрытым бесстыдством, опустошая карманы богатых посетителей. Полина слыла знаменитостью московского «полусвета», чьё имя шепотом передавали друг другу в высших кругах власти. Это была ослепительно красивая куртизанка.

Громов снял люкс в «Лейпциге», на Кузнецком Мосту. Гостиница считалась лучшей в городе — в ней был установлен новейший механический телеграф для вызова прислуги. Фасад, украшенный сводчатыми дверями и окнами в духе Людовика XIV, подчёркивал королевский размах и роскошь заведения. Непревзойдённый по масштабу и великолепию, отель поражал техническим оснащением: четыре тысячи газовых рожков заливали коридоры ровным, ярким светом, а для поддержания тепла в подвале установили двадцать печей.

За трёхкомнатный люкс Савелий платил сорок рублей в сутки. Помимо мягких кресел в стиле ампира и умывального столика в его распоряжении была голландская печь и исполинская кровать под белоснежным балдахином, в которой он наконец-то мог вытянуться во весь свой богатырский рост.

Публика в «Лейпциге» соответствовала интерьерам — изысканная, блистательная, пахнущая дорогим табаком и французскими духами. В холле и ресторанах, сверкая бриллиантами, скользили дамы в необъятных кринолинах из шёлка, бархата и газа.

Соколова

Третий день Громов безвылазно сидел в номере. Привалившись плечом к оконной раме, он безучастно смотрел на город, увязая в воспоминаниях о прожитых годах. Два дня он напиившись в стельку, но сегодня настроение переменялось. Водки не хотелось, хотелось смотреть в окно и думать.

С той самой ночи, когда похоронные дроги привезли маленький гробик с телом Вани Зотова, хандра острым гвоздиком колупала сердце Савелия, и он, как ни пытался, не мог отделаться от неё даже сейчас, вдали от дома. Казалось, ничем нельзя вытравить эту боль, перемешанную со своей личной болью. А ведь затем он и уехал из дому, чтоб забыться. Но люди правду говорят — от себя не убежишь. Можно оглушать себя водкой, прятать тяжёлые мысли в закоулках сознания, но наутро наступало похмелье, возвращалась трезвость ума, и хандра с новой силой одолевала сердце Громова.

В пятидесяти метрах против «Лейпцига», фасад в фасад, приветливо сияла огромными окнами гостиница «Прага». Она выглядела чуть скромнее, но внутренним убранством мало в чём уступала «Лейпцигу». Между двумя зданиями образовался общий дворик с фонтаном и скамейками. К нему примыкал зелёный сквер для прогулок богатых постояльцев.

Размышления Громова прервала прехорошенькая женщина в светло-голубой шляпке, выпорхнувшая из гостиницы напротив — очаровательная брюнетка небольшого роста, с волосами цвета воронова крыла, с большими тёмными глазами и молочной кожей.

Громов не в первый раз видел её, нарядно одетую, с маленькой золотистой сумочкой, расшитой бисером. Она не спеша прогуливалась у фонтана, время от времени присаживаясь на скамью с раскрытой книгой, прямо под окнами Савелия. Он, не отрываясь следил за незнакомкой, и подумывал с ней познакомиться — быть может, в её присутствии затихнет эта неотвязная душевная боль. Вычистив зубы и переменяв сорочку, Громов надел цилиндр, запер номер и, насвистывая модный мотив, спустился вниз.

К сожалению, брюнетки не оказалось ни у фонтана, ни на аллеях сквера. Савелий удручённо осмотрелся по сторонам и побрёл к себе, с твёрдым намерением завтра же взять билет на поезд и отбыть за границу. Весь вечер он просидел у окна, ожидая вновь увидеть прелестницу, но она так и не появилась.

Уже поздно вечером, растянувшись на кровати, Савелий подумал, а почему ему ни разу не пришло в голову взять с собой Веру? Однако, по размышлению, эта мысль показалась ему нелепой. Его поездки не имели к ней никакого отношения. Её не касалась его личная жизнь. Засыпая, он хищно улыбнулся, представляя себя рядом с маленькой брюнеткой, весь вечер будоражившей его воображение.

Утром Савелий не стал завтракать в гостинице, а направился в «Националь» — уютный ресторан в десяти минутах ходьбы, где как-то раз его потчевали отменным молочным порошком.

Натянув новые лакированные штиблеты на блестящих пуговицах, Савелий шагал по Петровке, постукивая тростью по булыжной мостовой и подставляя лицо ласковому августовскому солнцу.

Каково же было его удивление, когда за дальним столиком «Националя» он увидел вчерашнюю незнакомку! Он возликовал, увидев светло-голубую шляпку. Женщина пришла незадолго до него и, глядя в окно, снимала шёлковые перчатки.

Савелий занял соседний столик, устроившись так, чтобы видеть её. Он заказал трюфели, дичь и бутылку французского шампанского, и во время завтрака бросал долгие взгляды в сторону соседнего столика. Густые чёрные волосы незнакомки, уложенные мягкими волнами, открывали высокий чистый лоб, сплетаясь на затылке в объёмный узел, который удерживала

пара черепаховых гребней. Савелий обратил внимание на великолепное бархатное платье, которое могли пошить только за границей. На вид ей было не более тридцати. Миниатюрная, хрупкая, с прекрасными манерами, она казалась Громову сказочной принцессой из «Тысячи и одной ночи».

От дамы не укрылось настойчивое внимание Савелия. Собравшись уходить, она одарила его мимолетным кивком, заставив того покраснеть от удовольствия. Выждав ради приличия три минуты, он рванул следом, едва не сбив с ног полового.

Она не успела далеко уйти. Нагнав даму у соседнего здания, Савелий спросил разрешения сопровождать её и завёл дурацкий разговор о погоде, о ценах на частный извоз и прочей чепухе, не имеющей никакого значения. Он разволновался, как мальчишка, и, проклиная себя за неуклюжесть, подумал, что ведёт себя как гимназист в пору полового созревания. Второпях он даже забыл представиться. Исправив эту маленькую оплошность, Савелий коснулся губами маленькой ручки своей спутницы. В ответ она улыбнулась и покраснела. Это показалось Савелию очаровательным. Вблизи он разглядел, что её карие глаза, полые мягкого блеска, вспыхивали на солнце, словно два янтаря. Он поразился чистоте матовой кожи и ярким губам, словно созданным для поцелуев.

— Изволите гостить в «Праге»? — спросил Савелий, подстраивая свой широкий шаг под её мелкую поступь.

— Да, — она чуть склонила голову. — Приехала два дня назад из Петербурга.

— А я в «Лейпциге», — отозвался Громов. — Видел вас вчера у фонтана. Вы так увлеченно читали, что я не решился подойти.

Женщина украдкой взглянула на него снизу вверх. При её росте она едва доходила Савелию до середины плеча.

— Простите, мне надо идти, — в её голосе проскользнула едва заметная улыбка.

Савелий не заметил, как они приблизились к скверу меж двух гостиниц, и женщина направилась в «Прагу», оставив его одного. Он хлопнул себя по лбу, досадуя, что не смог удержать её хотя бы ещё на несколько минут. В замешательстве, но тем не менее полный приятных впечатлений, он пошёл к себе.

Меряя огромными шагами гостиничный номер, Громов никак не мог успокоиться, взбуряемый неожиданным знакомством. На среднем пальце её правой руки он заметил кольцо с кроваво-красным рубином, но обручального не было. Это несколько заинтриговало Савелия, и он до обеда то и дело подбегал к окну, высматривая знакомый силуэт, пока, наконец, не увидел её на той же лавочке, под своими окнами. Она читала, солнечные блики играли на голубой шляпке.

Громов с молниеносной скоростью спустился вниз и, ликуя от радости, зашагал прямо к ней, на ходу срывая цилиндр. Она была в том же платье, что и утром в «Национале». Когда он вдруг внезапно вырос перед скамьёй, женщина вздрогнула от неожиданности и с удивлением подняла глаза. Глядя в эти прекрасные тёмные озёра, Савелия обуяла застенчивость. Что ей сказать? Он пленён ею с тех пор, как увидел в первый раз. С той минуты она будоражила его воображение, манила и волновала естество.

Так они смотрели друг на друга несколько секунд, пока она не произнесла:

— Что ж, присядьте.

Оказавшись рядом с ней, Савелий ощутил необыкновенную силу притяжения.

Её звали Катерина Николаевна Соколова, она приехала из Петербурга, чтобы развеяться после смерти мужа. Год назад она овдовела. Супруг оставил ей после себя солидное наследство и троих детей.

Савелий удивился, узнав, что ей тридцать пять. Он никогда не встречал таких красивых женщин и не сводил с неё глаз, любясь нежной линией губ и необыкновенными глазами, в которых плескалась тихая грусть.

— Вы приехали одна?

— Да, — она на мгновение опустила ресницы. — Ужасно тяжело было расстаться с Наденькой, она ведь совсем крошка. Но сыновья устали видеть меня букой и настояли на путешествии.

Савелий мысленно поблагодарил их за это.

— Должно быть, они сильно вас любят.

— О, да, в этом мне повезло. Дети — моя отрада и утешение. Я воспитываю их сама, у нас никогда не было няни и кормилицы. Я мечтала родить Алексею ещё одного ребёнка, но судьба распорядилась иначе.

Она умолкла, и её глаза на миг потемнели. Савелий почувствовал, как в нем просыпается желание защитить эту женщину от всего мира.

Разговорились. Савелий рассказывал Катерине Николаевне о предстоящей поездке во Францию, о технических новшествах «Лейпцига» и о том, как из заволжского камня выделывают роскошную лепнину в европейских столицах. А она поделилась тем, как в прошлом году самолично ездила на Нижегородскую ярмарку, чтобы выкупить у английских негоциантов ткацкие станки для своей мануфактуры. Оставшись вдовой, Соколова не опустила рук и, вопреки пересудам чопорного петербургского света, сама встала у руля огромного наследства. Великосветские гостиные пророчили её фабрике скорый крах, однако Катерина Николаевна проявила железную хватку, заставив считаться с собой самых суровых и прожжённых промышленников столицы.

Соколовы всегда путешествовали вместе, и эта первое самостоятельное путешествие, на которое отважилась Катерина Николаевна. Она тосковала по мужу, вспоминая былые времена. Женщина нарочно никого не взяла в компаньоны, а маленькие неудобства в пути, похоже, нисколько её не беспокоили.

Глядя на неё, Громов увлекался всё больше и больше, он чувствовал себя влюблённым мальчишкой, готовым ради этой женщины на что угодно. Катерина Николаевна была добра, весела и обладала блестящим умом. Громов видел в ней само совершенство и всё больше убеждался, что никогда прежде не встречал женщину прекраснее. Так они просидели и проговорили до самого вечера.

«Лейпциг» заблестал огнями, из окон слышались смех, хлопки вылетающих пробок и нежные переливы рояля. Воздух стал прозрачнее, потянуло вечерней прохладой и горьковатым запахом листвы.

Савелий, боясь показаться навязчивым, с трудом заставил себя подняться, чтобы распрощаться с Катериной Николаевной, но внезапно, повинуясь мощному внутреннему порыву, предложил ей поужинать вместе. Она согласилась.

В ресторан гостиницы они шагали под руку, пикируясь весёлыми шутками. Несколько десятков метров до парадных дверей «Лейпцига» Громов шёл, как во сне, опьянённый близостью Катерины Николаевны. В его душе натянулась и дрогнула давняя струна: он понял, что его плеча касается женщина, которую он желал бы видеть рядом с собой на жизненном пути. Её хотелось оберегать и защищать, и в то же время гордиться ею, такой удивительно красивой и умной.

Он не мог представить, что скоро уедет в Париж, а она останется здесь, без него, одинокая и прекрасная. Он знал, что она ни за что не согласится сопровождать его за границу, это было бы верхом безумия, а потому решил остаться в Москве до того дня, как она соберется домой. Втайне он надеялся, что она, быть может, пригласит его к себе в Петербург. Он с радостью поменял бы свои планы, но, впрочем, особых иллюзий на сей счёт не питал.

* * *

Зал ресторана был переполнен, но для Савелия всегда держали лучший столик. Громов сам сделал заказ, руководствуясь врождённым чувством меры и вкуса, ему очень хотелось угождать своей спутнице.

Долго ждать не пришлось. Уже через несколько минут на столе появились угри в маринаде, заливные креветки, ароматная телятина с зеленью и рябчики на вертеле. На десерт он выбрал дынный пломбир с кусочками марципана, а бутылка шампанского сняла оставшиеся в общении барьеры.

Они говорили на отвлечённые темы, и Савелий любовался Соколовой, сравнивая её с Верой. Две абсолютно разные женщины. Одна — бесхитростная, простая, преданная, вся как на ладони, а другая — утончённая и хрупкая, но всё-таки превосходящая по внутренней силе далёкую, незнакомую соперницу. Савелий был поглощён новой знакомой.

— Как же вы осмелились ехать одна, Катерина Николаевна? Семьсот с лишним вёрст — шутка ли сказать.

— А что мне? — рассмеялась женщина. — Я вполне способна о себе позаботиться. Правда, утомительно в дороге, когда дождь. Меня предупреждали, что погода будет не ахти, но я ведь настырная. Едва миновали Крестцы — начался ливень, да такой сильный! Колёса увязли в грунте до самых осей, пришлось два дня стоять — ручей из берегов вышел. Вот тогда стало скучно. — Она снова засмеялась переливчатым, нежным смехом. — А в остальном — даже понравилось.

Громов посмотрел на неё. Удивительная женщина. Смелая, сильная духом, но в то же время в её карамельных глазах он разглядел такую ранимость, что ему нестерпимо захотелось поцеловать и обнять её, но он не посмел. Они снова говорили обо всём и ни о чём. Савелий расспрашивал её о детях, о светской жизни в столице, о ткацкой фабрике. Он с удовольствием не отпускал бы её до утра, но ресторан закрывался, половые сновали по залу, демонстративно позвякивая посудой, да и сама Катерина Николаевна пару раз едва подавила зевоту.

Глянув на часы, Савелий удивился, что они не отходили друг от друга пять часов кряду.

Они расстались в ярко освещённом вестибюле «Праги», куда Савелий вызвался проводить свою спутницу.

— Спасибо за чудесный вечер, Савелий Петрович, — Соколова протянула ему руку.

Громов взял маленькую, теплую ладонь в свою и на несколько секунд припал к ней поцелуем.

Аромат её духов Савелий принёс в свой номер. Он то и дело подносил рукав к лицу и вдыхал свежесть мимозы и ветивера, испытывая острое желание овладеть этой женщиной. Яркий, безумно чувственный аромат настолько сочетался с внешностью Катерины Николаевны, что истомившийся Громов не мог отделаться от мысли, что она находится где-то рядом.

Он взглянул на кровать и представил на белоснежных простынях обнажённую Катерину, с разметавшимися по постели волосами. Видение настолько захватило его, что бедный Савелий не мог заснуть, мечтая о завтрашнем дне, когда вновь увидит её.

Развязав галстук и расстегнув ворот рубашки, он шагал по комнате, меряя её огромными шагами. Казалось, ночь никогда не окончится. Он неотступно думал о Катерине. В его ушах всё ещё звенел её смех, он ощущал тепло её руки на своём локте. В какой-то миг его посетила безумная мысль броситься в «Прагу» и пробраться в её номер. Ни к одной женщине он давно не испытывал такой страсти.

Утомившись от бесплодных терзаний и хождения из угла в угол, он лёг спать перед рассветом, приказав коридорному разбудить его в девять.

Но перед этим Савелий достал из жилетного кармана золотой медальон, повертел его в руках и в последний раз взглянул на дагерротип в овальной рамке. Теперь он видел лишь безжизненные черты с застывшим, кротким взглядом. Савелий подошёл к столу, взял чистый конверт и, вложив в него реликвию, залил клапан сургучом. «Самарская губерния, село Жилия-

ево, Аграфене Ильиничне Громовой». Завтра он отдаст этот пакет почтовому курьеру. Медальон вернётся в тишину старого дома, под присмотр тётки, к рушникам и иконам. С прошлым было покончено раз и навсегда.

Проснувшись, он тщательно умылся, причесался, долго чистил зубы. Потом рассматривал свою физиономию в зеркале, строя забавные рожи. Найдя отражение вполне приемлемым и даже симпатичным, он вызвал коридорного и сдал в чистку шёлковый турецкий халат и домашние вышитые туфли — намерял он пролил на них вино.

Громов решил надеть новый костюм, сшитый у лучшего самарского портного специально для прогулок по парижским бульварам. Он облачился в серые полосатые брюки мешковатого «французского» кроя, суженные книзу, свежую белую сорочку с туго накрахмаленными манжетами и однобортный жилет. Он хотел выглядеть перед Катериной Николаевной безукоризненно.

Прodelывая привычные утренние манипуляции, он неотступно думал о ней, надеясь застать её в эти утренние часы у фонтана. Одеваясь, он то и дело подбегал к окну, но кроме пожилой пары с собачкой да служанки с корзиной белья на плече, никого не увидел. Он подумал, что если она не объявится после завтрака, он сам пойдёт в «Прагу».

Проглотив наскоро омлет с беконом, нескольких сосисок с хлебом «фаджа», Громов выпил большую чашку кофе и почти бегом направился в «Прагу».

Однако, в номере её не оказалось. Метрдотель с напускной таинственностью сообщил, что госпожа Соколова «каждое утро после завтрака прогуливаются в сквере». Савелий, отблагодарив его чаевыми, поспешил на поиски.

Она сидела на скамье возле небольшого пруда, склонив голову, и о чём-то сосредоточенно размышляла. Между её бровей пролегла едва заметная складка. Волосы зачесаны за уши и собраны на затылке в пышный узел из локонов, а небольшая шляпка лежала на коленях.

— Ох... Савелий Петрович! Напугали, как прошлый раз, — она с улыбкой поднялась ему навстречу, протягивая руку для поцелуя.

Складка на переносице тотчас разгладилась, начисто стерев печать задумчивости с прекрасного лица, глаза засияли. Она, казалось, так обрадовалась Савелию, что у того сердце защемило от восторга.

Держа её ладонь в своей чуть дольше, чем позволяли приличия, он с наслаждением поцеловал тонкие пальцы, заметив, как яркое утреннее солнце золотит край её шляпки.

— А я вас повсюду ишу!

— А разве я потерялась? — Катерина Николаевна рассмеялась, а Савелий смотрел на неё сверху вниз и с любовью ловил ответный взгляд.

— Может, пойдём до старых лип? — Катерина взмахом руки указала на два больших дерева в конце дорожки, подернутых августовской позолотой.

— Пожалуй. С вами — куда угодно, — отозвался Савелий с обезоруживающей прямоотой.

Катерина взяла Громова под руку, и они не спеша двинулись по тропинке, болтая друг с другом, словно давние друзья.

Весь день до полудня они провели вместе, гуляя в парке. Потом пили чай в номере Катерины Николаевны, а потом посыльный принёс ей письмо. Одна старая знакомая приглашала её на ужин, и к досаде Савелия, она написала в ответ, что обязательно будет. Он ни на минуту не хотел разлучаться и предложил заехать за ней после ужина, чтобы вместе отправиться в театр. Они уговорились, что пока Катерина Николаевна будет на ужине, Громов попробует достать билеты.

* * *

Над окошками касс висели таблички: «Все билеты проданы». Новая пьеса Островского вызвала в Москве настоящий фурор, и лишнего билетика нельзя было достать даже за двойную цену. Однако Громов отыскал в толпе пронырливого перекупщика, и не торгуясь, выложил

заветную сумму золотом. Через минуту в кармане его жилета лежали билеты в центральную ложу.

Он заехал за Катериной точно к назначенному часу. Она сменила дневное платье на вечерний туалет из дымчато-серого атласа. По её плечам струилась невесомая кружевная накидка, а в волосах мерцала жемчужная нить.

Громов, очарованный благородным сиянием женщины, бережно принял её ладонь и помог подняться в пролётку.

Колёса гулко застучали по булыжной мостовой. В тесноте экипажа её колено касалось его ноги, и это будоражило сильнее, чем всё выпитое в эти дни вино. Он на мгновение накрыл ладонью её руку и почувствовал, как сквозь него прошёл мощный разряд, отозвавшийся гулким ударом сердца. Катерина не отстранилась, лишь едва заметно вздрогнула, и в янтарных глазах, обращённых к нему, Громов прочитал молчаливое признание, которого жаждал больше всего на свете. В сумерках московских улиц, под вспышками газовых фонарей, её лицо казалось вырезанным из драгоценной кости.

Экипаж, мерно покачиваясь на рессорах, свернул к Театральной площади. Впереди, прорезая августовские сумерки, засияли огни «Малого». Огромные фонари у входа заливали брусчатку ровным, почти дневным светом, в котором суетились извозчики, мелькали нарядные пары и слышался нетерпеливый гул толпы.

Фойе встретило их плотной волной тепла. Воздух здесь всегда особенный — густая смесь пудры, духов и тонкого аромата табака, принесённого господами с крыльца. В свете хрустальных люстр дымчатое платье Катерины приобрело глубокий стальной отлив, а жемчуг в волосах а жемчуг в волосах отзывался мягким, перламутровым блеском. Глядя на неё, Савелия охватило полное умиротворение, которого он не испытывал уже много лет; в эту минуту он чувствовал себя абсолютно счастливым.

Постановка оказалась действительно удачной и захватила зал без остатка. Театр был полон, он шумел, замирал, взрывался громом аплодисментов, смеялся и плакал. В антрактах обсуждали купеческие каверзы «Тяжёлых дней», а в финале растроганная публика раз за разом вызывала актёров на сцену. Восторгу не было предела! Савелий и Катерина Николаевна выходили из театра со слезами на глазах...

Когда ехали обратно, Савелий мечтал остаться с Соколовой наедине и, собравшись духом, пригласил её в свой номер. Испугавшись своих слов, он подумал, а не ставит ли он её в неловкое положение? Громова никогда не заботили такие вещи, но Катерина Николаевна — особый случай, он не хотел причинять ей неприятности.

Она, не смутившись, ответила, что с удовольствием посмотрит на лейпцигский люкс.

— Савелий Петрович, ну что вы.... Я же не девочка.

Обрадованный Савелий заказал в номер две бутылки превосходного выдержанного вина, сельтерской воды, свежих устриц и бутерброды с чёрной икрой.

Сидя за низким столиком, они смаковали настоящее «бордо» из [Лангедока](#) и вспоминали только что увиденную пьесу. Вволю нахохотавшись, они перебрались на диван, разомлевшие от густого вина и счастливые от присутствия друг друга.

Громов заметил, что на Катерине Николаевне сегодня кольцо с великолепным бриллиантом. На его вопрос, как же она не побоялась взять в поездку столько драгоценностей, она лишь рассмеялась, сказав, что не испытывает ни малейшего беспокойства на этот счет. Савелий в который раз подивился её смелости. Отважная маленькая путешественница...

Они сидели совсем рядом. Катерина задумчиво смотрела на огонь, а Савелий на неё. Изысканный профиль, трепещущие ресницы, нежная линия шеи... Её ушки, маленькие и розовые, как морские раковины, манили его так сильно, что Громов едва сдерживался от желания коснуться их губами.

— Катерина Николаевна... — Савелий осторожно взял её за руку. — Мы знакомы второй день, а как будто — всю жизнь. Знаете... кажется, я вас полюбил.

Она вскинула на него взгляд, полный нежности:

— Ну что вы, Савелий Петрович. Так не бывает... чтоб так скоро.

— Бывает! — он притянул её ладонь к своей груди и, глядя в глаза, смущённо произнёс: — Если б вы только знали, милая Катерина Николаевна, как я жалею, что мы не встретились раньше!.. Скажите, — он испытующе смотрел ей в глаза, — у вас за этот год ни разу не возникало желания выйти замуж ещё раз?

Катерина Николаевна покачала головой и печально улыбнулась:

— Честно говоря, нет. Я посвятила себя детям, и живу ради них. Они наполняют моё существование смыслом и не позволяют пасть духом. Друзья, дом, дети...

— Но ведь этого мало!..

Его слова повисли в воздухе. Савелий, не в силах сдержать любовного порыва, прижался губами к кончикам её пальцев. У Катерины были поразительно красивые кисти. Её муж наверняка любовался ими и дарил кольца, которые необыкновенно шли ей.

Савелий внезапно поймал себя на мысли: а что, если бы он сделал ей предложение? Согласилась бы она стать его женой? Савелий вообразил её в Жилево. Что бы она там делала? Целыми днями просиживала у окна и ждала его возвращения с каменоломен?.. Она призналась, что хотела родить мужу ещё одного ребёнка, а если бы...

— Савелий, Петрович... У вас встревоженный вид. О чём задумались? — её нежный голос вырвал его из оцепенения.

— О Жилево. Знаете... Последнее время жил я, как щепка в ручье: болтался по течению, и плыть уже сил нет, и пристать не к чему. Вроде всё есть, и дом, и любимое дело, а чего-то настоящего — нет. А потом пошла одна беда за другой. Казалось, вот тут бы и опереться обо что-то, а нет его — такого, чтоб успокоило меня совсем, чтоб силы давало дальше жить. А ведь я искал настоящее. И временами казалось, что находил. А на самом деле — Бог его знает, что это было — может, подделка?.. И вот, когда уж полностью опустошился, и сил сопротивляться самому себе не осталось — решил сбежать, спрятаться. Думал, до Парижу доеду, на жизнь чужую посмотрю, может, она перемены во мне произведёт, может, отляжет от сердца ... — Катерина Николаевна смотрела на него влажными глазами, губы её вздрагивали. — И вот — бросило меня к вам. Вижу первый раз в жизни, а чувствую, будто всегда знал! Такая вы тихая, чистая, с вами спокойно... А знаете, — он смело заглянул ей в глаза, — сейчас я пытаюсь представить вас у себя дома, будто мы муж и жена... Может, вы и есть — то самое, настоящее!?

Казалось, его слова ошеломили Соколову, но она быстро совладала с собой и, мягко улыбаясь, увела разговор в иное русло:

— Я слышала про ваши места... Должно быть, жизнь там не та, что в Петербурге или здесь.

— Совсем не та, Катерина Николаевна... Вы даже представить себе не можете. Самара, по сути, провинциальный город. Там жизнь простая. Порой мне кажется, что дикая тамошняя публика совершенно лишена веры во что-либо порядочное. Грязь на улицах, дикость, пьянство, хамство. Впрочем, этого добра везде хватает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.